

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**УСПЕХИ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

ВЫПУСК 2

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

УСПЕХИ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

В Ы П У С К 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Абетеков (отв. секретарь), канд. ист. наук *К. А. Акишев*, канд. ист. наук *А. А. Аскар*, канд. ист. наук *Е. Атагарриев*, акад. АН УзССР *Я. Г. Гулямов*, докт. ист. наук *В. М. Массон* (отв. редактор), докт. ист. наук *П. Н. Негматов*, докт. ист. наук *Г. А. Федоров-Давыдов* (зам. отв. редактора).

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной выпуск «Успехов среднеазиатской археологии» содержит текущую информацию и материалы к межреспубликанскому совещанию в г. Самарканде по изучению каменного века Средней Азии и Казахстана. За последнее десятилетие эта область знаний достигла значительных успехов благодаря интенсивным полевым исследованиям. К числу таких важных работ принадлежат широкие разведки, проведенные в Киргизии, открытие и раскопки пещеры Шугноу, мустьерской стоянки Кутурбулак, мезолитических пещер в Ферганской долине и особенно многослойной стоянки Кульбулак под Ташкентом. Для эпохи неолита первостепенное значение имеют обнаружение раннеолитических памятников в низовьях Зеравшана и сплошные раскопки оседло-земледельческого Джейтуна и таких поселений горных охотников и скотоводов, как Туткаул и Сай-Саед. Это нарастание потока информации с особой остротой ставит вопрос о первичной организации нового материала, его систематизации и классификации. Здесь особое значение приобретают таксономические единицы, следующие за понятием «памятник»: локальный вариант или локальная группа, а затем культура и культурно-историческая общность. Единообразие в подходе к методическим разработкам в выявлении соответствующих подразделений особенно существенно. Обмен мнениями по этим вопросам, использование опыта археологов, изучающих смежные регионы, в особенности Кавказ и Восточную Европу, имеют первостепенное значение. Совершенствование методики систематизации материала на уровне его собственно археологического анализа является первым залогом надежности и обоснованности последующих археологических заключений.

І. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ. КУЛЬТУРЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ В ЭПОХУ КАМЕННОГО ВЕКА

Х. Алпысбаев

О ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В настоящей статье мы намерены кратко остановиться на двух исследованных нами палеолитических памятниках в Южном Казахстане — стоянках Валиханова и Ачисая, а также обсудить некоторые общие вопросы развития нижнего палеолита Средней Азии и Казахстана, возникающие в связи с недавно опубликованной интересной, но очень спорной статьей В. А. Ранова (Ранов, 1971).

Стоянка Валиханова содержит 5 культурных слоев, залегающих на глубине 3.30—3.80 м от поверхности и разделенных стерильными бурыми прослойками мощностью 0.07—0.12 м. Большинство фаунистических остатков раздроблено и не поддается определению. Определенные кости принадлежат лошади (*Equus caballus*), сайге (*Saiga inberis*), бизону (*Bison prisicus*), и оленю (*Cervus elaphus*). Каменный инвентарь включает рубящие орудия с односторонней и с двусторонней обработкой, скребки, остроконечники, дисковидные и протопризматические нуклеусы и др. Условия залегания, облик инвентаря и фаунистические остатки отчетливо свидетельствуют о мустьерском возрасте стоянки Валиханова. Стоянка Кара-Бура в Южном Таджикистане (Ранов, 1971) отличается от стоянки Валиханова отсутствием фаунистических остатков и большой спорностью геологических условий. По характеру техники обработки камня стоянка Валиханова напоминает стоянку Кульбулак близ Ангрена (Узбекистан) и знаменитый Тешик-Таш.

Стоянка Ачисая расположена в долине Турланского перевала. Она была открыта нами в 1961 г. В 1963 г. здесь был заложен раскоп площадью 6×10 м. На глубине 8.30 м от поверхности обнаружено 15 кострищ, вокруг которых залегали раздробленные на мелкие куски кости дикой лошади и архара, а также палеолитические изделия из халцедона, напоминающие инвентарь других палеолитических стоянок Южного Казахстана. Преобладали мелкие скребла типов, переходных к скребкам. Встречены долотовидные орудия, остря, призматические нуклеусы. Перед нами, видимо, остатки временного стойбища. Условия залегания, фаунистические остатки и характер каменного инвентаря свидетельствуют о более позднем возрасте Ачисая по сравнению со стоянкой Валиханова. Это уже позднпалеолитический памятник.

Перейдем теперь к некоторым общим вопросам развития нижнепалеолитической культуры. В противоположность тем исследователям, которые хотели бы доказать извечность «галечной культуры», характерной для обитателей Средней Азии и всей Азии и представленной

там в той или иной мере от самого начала нижнего палеолита до конца неолита, мы считаем, что всеобщая «галечная культура» (как и «культура ручных рубил») в действительности не существует. Утверждения об азиатской, «галечной культуре» связаны, по нашему мнению, со слабой изученностью нижнепалеолитических местонахождений Средней Азии по сравнению с нижним палеолитом Западной Европы, представленным большим числом памятников. Постепенно, в результате длительного накопления археологических материалов, этот тезис автора подтвердится. Многие статистические подсчеты, полученные со стоянки Валиханова и с Кульбулака, заставляют с большой осторожностью относиться к положениям В. А. Ранова о роли галечных орудий в палеолите Средней Азии. Необходимо, кроме того, учитывать своеобразие палеолита Таджикистана, материалы которого лежат в основе исследований В. А. Ранова; в частности, изделия Кара-Буры являются менее архаичными, примитивными, чем изделия Кульбулака.

Мы согласны с теми исследователями, которые вообще отказываются от понятия «галечная культура». Как известно, данный термин большинство специалистов заменяет термином «олдувейская культура». Однако мы предлагаем детализировать это понятие и ввести для ранних этапов нижнего палеолита вместо термина «олдувейская культура» три термина: махадевско-олдувейская, олдувейско-аббевильская и аббевильско-ашельская культуры. Следует учесть, что в нижних слоях Олдуея в Танзании и Махадео Пипария в Индии значительную роль играют валуны и их обломки, а не мелкие гальки.¹ В этой связи необходимо поддержать высказанное более 20 лет назад мнение Л. Лики (Leakey, 1967) о том, что можно найти галечную культуру, в которой от начала до конца отсутствуют орудия, сделанные из окатанных речных галек.

Переходя теперь к памятникам каменного века Южного Казахстана, укажем, что невозможно согласиться с отнесением тех или иных из них к «галечной культуре». Не прав, в частности, В. А. Ранов, когда упоминает об изделиях из стоянки Валиханова как об орудиях, сделанных в обычной для галечной техники манере (Ранов, 1970). В стоянке Валиханова орудия, сделанные целиком из галек, вообще отсутствуют. Изделия из других нижнепалеолитических местонахождений Южного Казахстана сделаны из валунов и глыб, принесенных водными потоками хребта Каратау. Люди применяли сначала здесь мелкозернистый серый и черный карбонский кремь; затем в ход пошли массивные глыбы, валуны и обломки кремня, халцедона и крупнозернистого черного кремня. Поперечник каменных изделий 10—30 см и более. В Караунгурской неолитической стоянке все нуклеусы изготовлены из маленьких и средних кремневых галек путем снятия с них желвачной корки; орудия же из галек тоже отсутствуют, за исключением пожеи, сделанных из плиток камня. Таким образом, говорить о характерности для каменного века Южного Казахстана галечных изделий нет оснований.

Другое дело каменный век Таджикистана. В исследованной В. А. Рановым мустьерской стоянке Кара-Бура (Ранов, 1965) очень многие орудия действительно сделаны из мелких речных галек, не превышающих 10—12 см в поперечнике. Мы считаем только, что из описания В. А. Ранова напрасно выпали скребки. Мы имели возможность видеть эти орудия в коллекции из Кара-Буры и даже извлекать их там из слоя. Налицо, вместе с тем, преемственность между галечной техникой Кара-Буры и галечной техникой, также расположенной в Таджикистане

¹ Гальки имеют размеры 1—10 см. Окатанные обломки пород более крупных размеров называются в геологии и петрографии валунами (см.: Геологический словарь. Т. 1, М., 1960, стр. 109, 148).

стоянки гиссарской культуры Туткаул. Галечную технику и галечные орудия можно считать своеобразной чертой каменного века Таджикистана, не распространяя эти своеобразные особенности на весь каменный век Средней Азии и Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Ранов В. А. 1965. Каменный век Таджикистана. Душанбе.
Ранов В. А. 1970. «Галечная техника» в культурах каменного века Сибири и Средней Азии. В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
Ранов В. А. 1971. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии. В кн.: Материальная культура Таджикистана. В. 2. Душанбе.
Leakey L. S. B. 1967. Olduvai Gorge. 1951—1961. Fauna and Background. Cambridge

В. А. Ранов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ВЫДЕЛЕНИЕМ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ (ФАЦИЙ) В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

Существование локальных вариантов в эпоху, предшествующую верхнему палеолиту, сейчас является общепризнанным фактом. Сдают свои позиции последние сторонники утверждения С. Н. Замятина об отсутствии локальных различий в эпоху мустье (Борисковский, 1971, стр. 40—41).

Более того, мы теперь уверенно говорим о том, что различия в наборе инструментов и характере их производства прослеживаются и при сравнении таких ранних памятников, как II горизонт Олдувея и Убейда или Вертешселеш и Кон де Араго. Таким образом, еще задолго до появления Homo sapiens при наличии более или менее однообразной техники, являвшейся результатом общего низкого уровня производительных сил, проявление этой техники в реально существующих орудиях труда было разнообразным и зависело от многих причин.

Выявление локальных фаций в техническом плане — это выявление общностей и различий палеолитических индустрий. Новое понимание палеолитических культур как совокупности более или менее синхронных технических вариантов (фаций), отличающихся друг от друга по ряду признаков, пришедшее на смену прежнему пониманию стадийного однолинейного развития внутри хронологически ограниченной эпохи, потребовало и новых средств в описании и характеристике археологического материала (Bordes, 1961).

Все это в значительной степени изменило и усложнило традиционные методы исследования и интерпретацию палеолитических индустрий. Остается, однако, нерешенным вопрос о причинах, которые вызвали к жизни эти локальные индустрии, зачастую расположенные на одной и той же территории, а иногда, как это видно на примере французских пещерных памятников, и перемежающиеся стратиграфически. Существует представление о том, что возникновение фаций в эпоху палеолита, которое имело место на определенном этапе развития, связано с устойчивыми техническими традициями, присущими определенным человеческим объединениям (Григорьев, 1968, стр. 145). Некоторые исследователи считают, что фации в эпоху мустье являются прямым результатом функций той или иной группы орудий, от облика которой зависит и характер всей индустрии в целом (Binford, Binford, 1966, p. 292). А. Н. Рогачев полагает, что различия в материальной культуре (в том числе и в кремневом инвентаре) синхронных верхнепалеолитических стоянок Русской равнины являются отражением этнографических и этнических

особенностей древнего населения (Рогачев, 1961, стр. 42). Другие авторы допускают, что различие индустрий может быть результатом сезонных занятий мустьерцев (Гумилевский, Коробков, 1967, стр. 100).

Недавно в журнале «Археология мира» вышла статья основателей нового метода — супругов Борд. Она посвящена вариабельности индустрий палеолита и подводит итоги изученности вопроса (Bordes and Sonneville-Bordes, 1970, p. 61—73).

Четыре известные группы (фацции) — шарантская (с двумя вариантами — Кина и Ферраси), типичное мустье, мустье с ашельской традицией (с двумя подтипами), зубчатое мустье — выделены на основании процентного соотношения орудий и вторичных (технических) различий. Эти различные варианты мустьерской культуры существуют в течение длительного времени, относительно мало изменяясь. Для их обоснования рассматриваются следующие гипотезы.

1. Гипотеза «различных культур». Фацции, существовавшие на одной и той же территории (например, горизонты Комб-Греналь), принадлежали человеческим объединениям, фактически не контактировавшим между собой, поскольку данные наших наук не могут улавливать временное различие в 100—200 лет.

2. Превращение одной фацции в другую. Согласно одному из вариантов этой теории, мустье с ашельской традицией является наиболее древним мустье. После исчезновения ручных рубил эта культура превращается в типичное мустье. Кина является наиболее развитым типом мустье. По мнению Бордов, в настоящее время стратифицированные памятники полностью отвергают эту гипотезу.

3. Гипотеза «различной активности»: а) сезонная активность — определенные комплексы могут отражать разные моменты человеческой деятельности; б) деятельность, связанная со специализацией. Согласно Бинфордам, можно выделить комплексы жилых площадок, место, где убивали животных, мастерские и т. д.

Проанализировав все указанные гипотезы (уточняя и критикуя большую их часть), авторы приходят к выводу (вернее, подтверждают прежний вывод Ф. Борда), что вероятным объяснением существования различных фацций в эпоху палеолита является наличие устойчивой технической традиции среди определенных групп первобытных людей. Менее вероятно, что это результат различной их деятельности, связанной с разнообразными причинами (Bordes and Sonneville-Bordes, 1970, p. 73).

Среди критических высказываний в адрес работы Бинфордов заслуживает особого внимания замечание, что в конечном итоге уверенное определение функций орудий может быть произведено лишь при условии использования помимо типологического и экспериментального также и трассологического (С. А. Семенов) метода, что не было сделано указанными авторами.

Обратим внимание еще на одно интересное обстоятельство, очень характерное для Средней Азии, но не рассматривавшееся в плане затронутого вопроса. Во многих районах горной части Средней Азии в постпалеолитическое время наблюдается существование стоянок с инвентарем, резко отличающимся по своим техническим традициям. В одном случае это памятники с преимущественным преобладанием галечного элемента при незначительном развитии кремневого. В другом — пластинчатые (в локальном выражении), на кремневой основе.

С одной стороны, в различии инвентаря этих стоянок и в сочетании галечного элемента и кремневых изделий легко можно усмотреть существование локальных вариантов, в которых находит отражение проявление традиционных приемов обработки камня, присущих средизем-

номорской или сибирско-монгольской провинции. С другой — различие в инвентаре в первую очередь определялось наличием и преимущественным использованием того или иного материала (кремь — пластинчатая техника). Короче говоря, одни и те же палеолитические племена Средней Азии могли пользоваться двумя техническими традициями в зависимости от обстановки, экономических задач дня, сезонов и пр. Итак, все возможные объяснения существования локальных вариантов в эпоху палеолита можно разделить на 3 группы.

1. Технические причины — изменение формы орудий или их количественного соотношения связано с различием функций или назначения.

2. Экологические причины — природное окружение (пещеры — открытые стоянки) или сезонность занятий.

3. Социальные причины — единство инвентаря определенных фаций отражает существование таких человеческих объединений, члены которых связаны между собой этническими и социальными узами, а в силу ряда условий внутреннего развития пользуются выработанными, твердо установленными техническими традициями.

По всей очевидности, причины, вызывавшие существование локальных вариантов, были разными. Так, традиционные технические приемы в изготовлении определенных типов орудий могли усиливаться или ослабляться в связи с изменением окружающих условий. Изменение функционального назначения в одном случае меняло тип орудия, а в другом — орудие приспособлявали к новым задачам, не изменяя его формы и характера обработки. Конечно, какой-то фактор был решающим, но сам этот фактор зависел от целой суммы причин. В этом отношении дальнейшие разработки в выделении локальных вариантов в палеолите Средней Азии, как и в других областях, должны одновременно затрагивать технические моменты, позволяющие дифференцировать одну общую культуру и наблюдения, связанные с основными и побочными факторами возникновения фаций.

Следует еще отметить, что, перерабатывая идеи Ф. Борда применительно к той или иной территории (Gladiline, 1970, p. 269—274), нужно искать пути к улучшению его метода. Хорошо известны при всех имеющихся положительных сторонах недостатки применения как статистико-комбинаторных методов к археологии, так и значительно более широко распространенных манипуляций с процентными соотношениями (графики, гистограммы, полигоны и т. д.). Что касается первого метода, то главным несоответствием будет то, что сложные математические расчеты базируются на в общем примитивных, в большой степени субъективных данных (размеры, форма, классификация вообще и т. д.). Иными словами, уровень подготовки вводимого материала не соответствует математическому аппарату. Так, мы уже упоминали о спорности некоторых функциональных определений, введенных в счетные машины Бинфордами. Другим примером является опыт статистико-математического анализа грота Обирахмат, проведенный Р. Х. Сулеймановым, который обоснован на недостаточно разработанной археологической основе. Употребление новых, не всегда удачно подобранных терминов в значительной степени затрудняет использование выводов этого автора (Сулейманов, 1968).

Коль скоро археология начала пользоваться счетными машинами и формулами высокого порядка, необходимо начинать с выработки стандартов, более или менее приемлемых для всех и принятых всеми. Очень показательным измерением длины заготовок, широко распространенным в палеолитоведении. Практически пластину или отщеп можно измерить по четырем основным параметрам: 1) максимальная длина; 2) длина по примерной оси симметрии; 3) длина по направлению удара, сколов-

шего отщеп; 4) минимальная длина. Пробные подсчеты показывают, что колебания размеров при сравнении значительны. Как правило, на практике пользуются примерной осью симметрии, но не повсеместно. Прежде чем делать серьезные выводы, связанные с индексами размеров, следует остановиться на одном из измерений. Трудность состоит в обосновании наиболее оптимального. Очень часто пользуются термином «правильная пластина». Однако геометрические критерии этой правильности не определены. С большими трудностями сталкивается археолог в практике измерений. Например, углы, которые легко измеряются на схемах, нарисованных на бумаге, практически измерить с точностью хотя бы в 5° очень сложно ввиду трудностей совмещения плоскости измерительного инструмента с неровной поверхностью камня. Можно не сомневаться, что при настоящем состоянии измерительной техники расхождения в индексах памятника, промеренного двумя разными лицами, будут весьма значительными.

Немного о старом методе. Его преимущество в простоте и доступности (чего, к сожалению, пока не хватает статьям советских исследователей, работающих в области применения математики к археологии), чем во многом и объясняется триумфальное шествие бордовской статистики почти по всем странам мира. Однако и здесь имеются определенные трудности. Не затрагивая всех критических замечаний в адрес процентных отношений (Любин, 1965), упомянем лишь статью Керриха и Кларка, в которой очень четко показаны основные недостатки указанного метода (Kerrich, Clarke, 1968, p. 57—69).

1. Граница ошибки, связанной с отбором образцов для процентных соотношений, объясняемая лишь тем, что представлена часть действительного числа орудий, что сравниваются памятники различной насыщенности, с различной раскопанной площадью, различной степенью уверенности в чистоте комплексов, и т. д.

2. Ошибки использования процента как статистического приема (в основном разное количество предметов, давших одинаковый процент, и сложность корреляции комплексов, значительно отличающихся друг от друга по количеству находок).

3. Ошибка порядка (кумулятивный график будет резко меняться с изменением порядка расположения предметов, взятых для его обоснования).

4. Типологические ошибки (трудности выделения и обоснования типов орудий).

5. Ошибки при сравнении графика.

И последнее. Выделение локальных вариантов как явления, исторически сравнительно долго существующего, в значительной степени сплывает с археологического материала его датирующие возможности. Более того, многие исследователи (Л. Н. Рогачев, Ф. Борд, Г. П. Григорьев и др.) считают, что археологический материал сам по себе не может получить датирующее определение, даже относительное. Он может быть датирован только на основании данных вспомогательных наук, прежде всего геологии.

Разные позиции по этому вопросу среди советских ученых хорошо обозначились еще во время дискуссии, проведенной Комиссией по изучению четвертичного периода в 1959 г. (Рогачев, 1961, стр. 184). На Западе также имеются критические замечания по поводу одновременного существования выделенных Ф. Бордом фаций (Mellars, 1965, p. 626—627). Нужно сказать, что в случае принятия положений, выдвинутых французским исследователем, в значительной степени теряется перспектива хронологического развития палеолитических культур.

В заключение, переходя уже к конкретным задачам среднеазиатской археологии, отметим следующее.

1. Обоснование выделения локальных технических вариантов среднеазиатского палеолита может базироваться на применении статистических подсчетов как простейшего процентного соотношения (по Ф. Борду), так и математических выкладок более высокого порядка.

2. Первоначальной работой, по всей очевидности, должна быть подготовка обоснования локальных вариантов по Ф. Борду, ибо это наиболее доступный и широко практикующийся метод. При этом надо учитывать, что статистическая система по Ф. Борду не свободна от недостатков, которые необходимо устранять в процессе разработки местных схем. Первоочередная задача — поиски корреляционного коэффициента для сравнения индексов памятников с различным количеством введенных в подсчеты предметов.

3. Технические показатели (формализация археологического материала) не могут быть единственным основанием для характеристики памятника. Необходимо умелое сочетание математического аппарата с интуитивными, традиционными приемами работы с каменным инвентарем.

4. Первоочередной задачей является разработка общепринятых стандартов для объектов, вводимых в подсчеты (размеры, углы, соотношения), общей методики измерения каменных орудий, а также уточнение и принятие общей терминологии.

5. Уровень описаний коллекций эпохи палеолита Средней Азии, который свойствен работам археологов местных школ, не соответствует мировым стандартам и базируется в основном на старых традиционных приемах описательного характера. Первые попытки выделения локальных вариантов палеолитических культур Средней Азии были предприняты на основании элементарных подсчетов и общих положений. Интересная попытка Р. Х. Сулейманова не получила пока подтверждения на основе анализа других материалов.

Открытие новых памятников (Тоссор, Георгиевский Бугор, Шугноу, Огзи-Кичик, Зирабулак и др.) обогащает среднеазиатский материал дополнительными данными. Критически осваивая достижения мирового палеолитоведения, среднеазиатские археологи должны искать свои собственные пути для обоснования местных фаций, изучение которых обогащает науку о древнейшем прошлом страны и наполняет ее новым содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисковский П. И. 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.
- Григорьев Г. П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.
- Гумилевский Н. И., И. И. Коробков. 1967. Местонахождение памятников каменного века у села Хейвани. КСИА, в III.
- Любин В. П. 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131.
- Рогачев А. П. 1961. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации в палеолите Восточной Европы. ТНЧП, т. XVIII.
- Сулейманов Р. Х. 1968. Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры. Автореф. канд. дисс. Ташкент.
- Binford L. K., S. L. Binford 1965. A Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois Facies. AA, v. 68, № 2.
- Bordes F. 1961. Mousterian Cultures in France. Science, v. 134, № 3482.
- Bordes F. and D. de Sonneville-Bordes. 1970. The Significance of Variability in Palaeolithic Assemblages. WA, v. 2.
- Gladiline V. 1970. Les variantes techniques et les types d'industrie dans le Moustertien de la plaine Russe et de la Crimée. VI ACISPP, t. 1, Prague.

- Kerrich I. E., D. L. Clarke. 1968. Notes on the Possible Misuse and Errors of Cumulative Percentage Frequency Graphs for the Comparison of Prehistoric Artefact Assemblages. PPS, N. S., v. XXXIII.
- Mellars P. A. 1965. Sequence and Development of Mousterian Traditions of South-western France. Nature, v. 205, № 4971.

А. А. Формозов

РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ И СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КАМЕННОГО ВЕКА

История сложения и развития локальных вариантов в материальной культуре первобытного человечества, ранние этапы этнической истории в последние годы привлекали внимание многих археологов. При этом был взят под сомнение ряд теоретических положений, выработанных в советской науке за предшествующий период. В противоположность тезису о возникновении локальных различий в культуре палеолита только на определенном этапе его развития А. Н. Рогачев (1969, стр. 185) выдвинул идею об изначальности таких различий. Это не доказано. В не очерченном пока что наукой узком ареале предков человека в каком-то уголке Африки никаких различий древнейших примитивнейших орудий могло и не быть. Другой вопрос, что эти различия появились достаточно рано, вероятно, именно в процессе первого освоения Старого Света со всем многообразием его природных условий людьми шельской и ашельской эпох.

Разнохарактерные комплексы кремневого инвентаря с палеолитических стоянок, в том числе мустьерских и более ранних, нередко приравнивают теперь к археологическим культурам эпохи неолита и периода металла. Мустьерские культуры выделяет В. П. Любин (1970, стр. 34) на Кавказе. Г. П. Григорьев (1968, стр. 146) ввел в оборот термин «предплемя», полагая, что намечающиеся локальные варианты мустье отвечают складывавшимся тогда архаичным объединениям племенного типа. Понятия «локальный вариант», «археологическая культура» и даже «племя» стали, следовательно, просто отождествлять. Между тем это реальные явления разного порядка. Использование ашельским человеком для выделки орудий обсидиана в Армении, кремневого песчаника в Абхазии и кремня в Адыгее должно расцениваться как локальное различие, но в этом еще нет ничего специфически человеческого. Точно так же в зависимости от окружения различаются по типу норы животных, вырытые в разном грунте, состав их гнездовой подстилки. Неодинаковое раскалывание обсидиана, кремня, кремневого песчаника потребовало выработки особых приемов изготовления ашельских орудий в Армении, Адыгее, Абхазии. Различия стали производственными, но из этого отнюдь не следует, что древнейшее население этих районов пришло из разных мест, имело разное происхождение, принадлежало к разным племенам. Это может свидетельствовать лишь об обособленности отдельных групп палеоантропов, не объединявшихся еще в племена, не обменивавшихся ни материалом для орудий, ни опытом их обработки. Термин «археологическая культура» предполагает наличие четко очерченной территории, внутри которой памятники однотипны. Этого нет ни в ашеле, ни в мустье Кавказа. Даже верхнепалеолитическая «костенковская культура» не образует такого четкого ареала, как мезолитические и более поздние культуры. Стоянки Виллендорф в Австрии, Петржковницы в Чехословакии, Авдеево на Сейме, верхний слой Костенок I на Дону отмечают скорее путь расселения какой-то общины, чем

устойчивую племенную территорию. Другой важный момент — наличие или отсутствие линии преемственности в развитии кремневого и иного инвентаря внутри определенных районов. Такая преемственность характерна для всех мезолитических, неолитических и более поздних культур, но в раннем палеолите мы всюду видим нечто иное (ср. разнотипность многочисленных мустьерских поселений в Крыму или Палестине).

Таким образом, если возникновение локальных вариантов в материнской культуре палеолита и связано с весьма ранним временем, это не означает, что столь же рано сложились племена. Неоформленность племенной организации у стоявших на уровне мезолита австралийцев доказывает, что появление ее — результат длительного исторического развития. Тезис 1930—1950-х годов об этнических общностях как явлении историческом, имеющем свое начало и менявшемся на протяжении веков (Замятин, 1951; Формозов, 1959), не поколеблен.

Проследившая различия в кремневом инвентаре позднепалеолитических памятников отдельных узких регионов, Г. П. Григорьев, Н. О. Бадер (1965, стр. 11—20) и другие археологи склонны отказаться от намечавшихся С. Н. Замятинным и его последователями крупных зон палеолитической культуры (средиземноморской, сибирской, европейской приледниковой). Палеолитическая ойкумена представляется теперь покрытой как бы сетью мелких разновеликих ячеек, внутри которых предельно замкнуто жили палеолитические общины. Думается, что, подобно существующему в биологии подразделению на виды, роды, семейства и т. д., археологии необходима градация локальных вариантов разного территориального охвата, включающих, а не отменяющих друг друга (культура, культурная область, зона и т. д.). Отличие двух стоянок по каким-то формам орудий или их пропорции в инвентаре не исключает объединения этих стоянок в одну группу. В процессе расселения первобытного человека люди, обладавшие сходными приемами обработки кремня, рассеивались по значительной территории и сохраняли приверженность к своим старым производственным традициям. Экзогамные и другие связи между общинами, зафиксированные находками морских ракушек на стоянках Русской равнины, обсидиана в Костенках и на Печоре, способствовали сохранению былого единства. Для предшествующей эпохи показательно быстрое распространение на огромных пространствах леваллуазской, а затем и верхнепалеолитической техники раскалывания камня. Работу по выделению узко локальных вариантов палеолитической культуры надо продолжать, но в ходе ее нельзя терять представление о больших этнокультурных массивах.

Неубедительной кажется часто повторяющаяся в последних монографиях по этнической истории картина какого-то калейдоскопа культур: одни приходят с юга, другие — с востока, третьи — с запада; происхождение любой из них неясно, куда они потом исчезают — тоже. Вероятно, что-то подобное бывало, но гораздо важнее иное обстоятельство — преемственность в развитии культуры на определенных территориях. Перестройка этнической карты отмечается не раз, но никогда не бывает случайной. Можно говорить о закономерных этапах этнической истории, связанных с историей первобытного общества в целом.

В качестве примера остановимся на этнической истории каменного века европейской части СССР, изученной лучше, чем азиатская часть. Первый этап отражает первоначальное освоение этой территории в раннем палеолите. Отмеченная автором в 1958 г. концентрация мустьерских стоянок с двусторонне обработанными орудиями на Русской равнине и без них — на Кавказе согласуется с новыми наблюдениями над типами палеолитического инвентаря. Леваллуазская техника раскалывания кремня в меньшей мере свойственна Русской равнине, чем Кавказу

(Гладилин, 1969, стр. 3—11). Памятники зубчатого мустье сосредоточены на Кавказе и нехарактерны для Русской равнины (Любин, 1969, стр. 41). Вероятно, различие двух областей объясняется заселением Кавказа из Передней Азии, а Русской равнины — из Центральной Европы. В верхнем палеолите и мезолите сохраняется деление европейской части СССР на две области: Кавказ и Северное Причерноморье со стоянками ориньякского облика, а в дальнейшем — с большим числом геометрических орудий; центр Русской равнины со стоянками, содержащими кремневые накопечники, сперва двусторонние обработанные, а затем из ножевидных пластин. Перестройка карты наступает в конце мезолита и в неолите в период сложения производящего хозяйства, когда увеличившиеся численно южные племена проникают далеко на север. Об этом свидетельствует появление стоянок с геометрическими орудиями южных типов в Белоруссии и Литве, в Среднем Поволжье и Прикамье, а позднее — распространение в тех же районах неолитической керамики типа украинской днепро-донецкой. Окруженный с запада и востока этими группами массив окских, верхневолжских и более северных племен развивался в старых традициях (стоянки с накопечниками стрел из пластинок, позднее — ямочная керамика). Именно здесь можно видеть основной очаг финно-угорского этногенеза, тогда как зона контакта между кавказским и финно-угорским миром в Северном Причерноморье (стоянки с накопечниками стрел и геометрическими орудиями) в соответствии с наблюдениями ряда лингвистов (Н. С. Трубсцкой, А. Шерер, Э. Феррер, Х. Уленбек и др.) может рассматриваться как зона сложения индоевропейцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер Н. О. 1965. Историко-культурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в Восточном Средиземноморье. Автореф. канд. дисс. М.
- Гладилин В. Н. 1969. Про технику левалуа в мустье Руські рівнини та Криму. *Археологія*, т. XXII, Київ.
- Григорьев Г. П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. М.—Л.
- Замяткин С. Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. ТИЭ, т. XVI.
- Любин В. П. 1969. Палеолит Северной Осетии. Матер. по археол. и древн. ист. *Северн. Осетии*, т. II, Орджоникидзе.
- Любин В. П. 1970. Нижний палеолит. В кн.: Каменный век на территории СССР. М.
- Рогачев А. И. 1969. Значение и роль социальной среды в развитии первобытного общества. В кн.: Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М.
- Формозов А. А. 1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.

Г. П. Григорьев

К МЕТОДИКЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ

Мысль о существовании групп палеолитических памятников с местными, свойственными только данному району чертами появилась довольно поздно и долгое время не проводилась последовательно. Большинство специалистов подсознательно не отождествляло культуру палеолитического человека с общечеловеческой культурой. Вопрос этот и до сих пор не может считаться положительно разрешенным, поскольку есть сторонники «неготового общества», «неготового человека» в

древнем палеолите. Хотя археологи, изучавшие эпохи бронзы и железа, довольно рано установили археологические культуры и провинции и даже пытались отыскать археологические эквиваленты германцам и славянам, эволюционизм мышления XIX в. заставлял думать, что локальные особенности культуры, как и все другое, появились постепенно, что был период, когда локальных образований в культуре человека вовсе не существовало. Однако Анри Брейль не только предложил всеобъемлющую периодизацию верхнего палеолита, но и указал на существование особого средиземноморского района развития культуры, где эта периодизация была неприменима (Breuil, 1913). Правда, отличия этого района он видел лишь в более продолжительном по сравнению с атлантическим районом существовании ориньяка — той же ступени, что и в атлантическом районе, и в отсутствии солиотрейской ступени. Это соображение А. Брейля было поддержано итальянскими учеными и Р. Вофреем (Vaufray, 1928). Далее, большинство специалистов в разных странах выделяло большие провинции. В. А. Городцов выделял три провинции внутри Европы (Городцов, 1923), С. Н. Замятин — сибирско-китайскую провинцию, Д. Пейрони предложил считать ориньякскую культуру Франции отражением прихода огромных масс населения из Средней Европы (Peugny, 1932), а английские археологи предполагали примерно для того же времени существование граветтской культуры, пришедшей в Европу из Передней Азии (Hawkes, 1940). Под влиянием венской этнографической школы О. Менгин (Mehring, 1931) и И. Байер (Baier, 1928) выделяли другие локальные образования, но опять-таки значительных масштабов. Здесь видно нескритическое восприятие понятий этнографии и истории: грандиозные движения народов исторического периода были образцом для миграций, предполагаемых в палеолите. Исключением являлись работы выдающегося польского археолога С. Круковского (Krukowski, 1939). Он, будучи значительно выше своих современников в типологическом анализе, установил локальные особенности меньшего масштаба, примерно соответствующие нынешней археологической культуре.

Несколько иначе обстояло дело с выделением локальных различий в мустьерскую эпоху. Основная работа здесь проведена французскими археологами. Они установили существование на территории юго-западной Франции нескольких местных культур, расположенных чересполосно. Такой же факт был установлен А. Рустом на Переднем Востоке и С. Круковским на территории Польши. Однако осмысление этого факта приходится на послевоенное время и связано с именем Ф. Борда (Bordes, 1961).

Уже в итоге работ Д. Пейрони было ясно, что и мустье с ашельской традицией, и зубчатое мустье — это не случайная особенность одного памятника, а группы однородных (однокультурных) памятников. Вначале Ф. Борд принимал эти группы за особые проявления однородной мустьерской культуры во Франции, а затем неожиданно отверг прежнее толкование (сезонные вариации культуры одного и того же населения) и признал их тождественными культурам более поздних эпох. Этот вывод теперь общепринят, его оспаривают (неосновательно, по нашему мнению) только Бинфорды.

Для советских исследователей было общепринятым допущением, что примерно одновременные (одной ступени развития) памятники палеолита похожи, правда, в немногих чертах, как раз указывающих на принадлежность к определенной стадии. Данная гипотеза была впервые поколеблена с открытием стоянки Авдеево — памятника, не просто похожего на Костенки I, а прямо ему тождественного. Это обстоятельство позволило предположить, что и прочие памятники могут быть сгруппи-

рованы не на основе их принадлежности к определенной стадии, а по признаку однокультурности, т. е. сходства в такой степени, в какой Авдеево похоже на Костенки. Ведь известно, что на территории юго-западной Франции все памятники соединены в культуры и ступени культуры именно на основе полного тождества. Во Франции, несмотря на исследованность ее территории, пока обнаружено всего два памятника четвертой ступени перигордийской культуры и два — пятой ступени ориньяка. Известно, что построения П. П. Ефименко основывались на материалах сел Костенки и Боршево, где все исследованные памятники разнокультурны и весьма удалены по времени друг от друга. Поэтому и А. Н. Рогачеву, стороннику существования археологических культур, удалось установить в Костенках кроме костенковской культуры только стрелецкую и городцовскую культуры (Рогачев, 1957). И тем не менее именно А. Н. Рогачеву мы обязаны переходу на новые позиции в изучении палеолита. Не будь его мысли выражены с такой смелостью и определенностью, несмотря на почти всеобщую оппозицию, развитие новой проблематики, видимо, надолго бы затормозилось. Теперь большинство специалистов по палеолиту в том или ином виде признает археологические культуры в палеолите. М. Д. Гвоздовер описала каменнобалковскую культуру на Нижнем Дону, И. Г. Шовкопляс — мезинскую культуру на Десне, Н. О. Бадер — чохскую и губскую культуры на Кавказе, М. И. Островский — липскую культуру на Волыни. Исследования А. П. Черныша дали основания для выделения молдовской культуры, а материалы С. Н. Замятинца — имеретинской культуры в Закавказье. В. П. Любимым установлена культура зубчатого мустье на Кавказе. Полагают, что есть основания для выделения старосельской культуры, куда входят и новые мустьерские памятники Крыма, открытые В. Ф. Петрунем. Из зарубежных работ можно отметить выделение Г. Босинским германского варианта мустьерской культуры с двусторонне обработанными орудиями (Bosinski, 1967) и установление развития проинцикской культуры на территории Польши, ранее известной по работам С. Круковского. Исключительно важны были общего плана работы Ф. Борда, представляющие осмысление археологических культур (ранее называвшихся вариантами мустье) на территории Франции (Bordes, 1961). Особую группу мустьерских памятников удалось выделить в Испании благодаря совместным работам испанских и американских археологов.

Теперь на очереди установление археологических культур ашельского времени. Никаких отрицательных показаний к установлению культур в столь отдаленные времена не имеется, напротив, есть удачный опыт английского археолога Д. Роу (Row, 1969). Его успех объясняется тем, что ашельские памятники в бассейне Темзы столь же часты, как фатьяновские могильники в Московской области. Других районов с таким же обилием ашельских памятников пока нет. Что лежит в основе методики выделения локальных образований культуры в палеолите? Такого рода образования можно установить только типологическим методом, строго применяя его в том виде, какой он приобрел с введенным разного рода количественных методов, употребляемых в пределах типологического метода как вспомогательного средства. Сравнения памятников можно вести только при том условии, что весь материал, известный для данного памятника, будет разнесен на группы однотипных изделий. Для этого необходимо установить такие понятия анализа, какие называются типами и представляют собой некий идеал, от которого все вещи, относящиеся к данному типу, будут отклоняться незначительно и по разным признакам. Тип же определяется как устойчивое сочетание многих признаков. Пока же исследователи, поставив перед собой зада-

чу описания материала, не ставят задачу строгого установления признаков и типов, которые будут применяться при описании. Далее, в теории большинство исследователей считает, что типы не являются абстрактными понятиями, категориями исследования, а представляют собой совокупности конкретных изделий. С нашей же точки зрения, совокупности материала не являются типами, а тип есть лишь идеал (к которому стремился изготовитель орудий), устанавливаемый нами на основе анализа. Практически же все действуют таким образом, как будто они принимают тип за категорию анализа. Если установить типы, при помощи которых можно описать материал данной стоянки, то выделение культуры значительно облегчается. Культурой, поскольку она есть категория анализа более высокого уровня, будет устойчивое сочетание типов. Известно, что возможность независимого, случайного возникновения одного признака каменного орудия очень велика как для мустьерского времени, так и для верхнего палеолита. В качестве примера можно указать любой признак, технический или типологический, чтобы убедиться в справедливости этого высказывания: прямой притупленный край, плоский резцовый скол, выемка на продольном крае и т. д.¹ Вероятность сочетания нескольких признаков именно в том порядке, какой необходим для данного типа, во много раз меньше. Строгое описание типа через сумму элементарных признаков исключает возможность соединения под одним названием (в качестве одного типа) разновидностей, возникших независимо. При помощи типологического метода возможно получить группы материала, которые сходны (поскольку они состоят из одинаковых типов), и это сходство таково, что оно должно быть вызвано либо однокультурностью описываемых памятников, либо генетической связью между двумя культурами (поскольку типы получены на основании устойчивого сочетания признаков неслучайного характера). Естественно, поскольку речь идет о количественных методах, то вывод имеет вероятностный характер. Однако не существует метода установления единиц развития культуры в прошлом, который давал бы стопроцентную вероятность вывода. В том методе, который здесь предлагается, вероятность вывода (однокультурности описываемых памятников) тем выше, чем точнее выделены признаки, чем строже установлены выделяемые типы.

На основе выяснения устойчивого сочетания типов, свойственных разным памятникам, можно получить более объективную, чем прежде, картину различных культурных групп. Мера этой объективности будет возрастать все более с проверкой результатов, полученных разными исследователями или коллективом исследователей. Поскольку сам анализ сводится к ряду простых действий и заключения на основе одной только интуиции исключаются, то проверка становится относительно простым делом. Но вместе с тем с применением такой методики возрастает трудоемкость работы. Ранее, например, исследователь сам решал, какую из типологических групп он отнесет к одному типу, а какую разделит на два типа (чаще всего старались сделать группы, которым присваивалось наименование типа, наиболее простым, определяемым по одному признаку). Некоторые археологи высказывались против такого метода, предполагая, что истинная характеристика предмета затеряется среди многочисленных признаков, не имеющих значения. Однако чтобы сделать выбор из многих признаков, прежде всего надо иметь это множество признаков. Другое возражение заключается в том, что при этом

¹ Для простоты здесь названо несколько признаков в строгом смысле слова. Это доказывает, что велика вероятность и сочетания признаков, если этих признаков немного, например, два, а мала лишь вероятность сочетания многих признаков, необходимых для полного описания типа.

множество исследовательских задач сводится к одной — установлению культурной принадлежности памятника. Но на самом деле это не так, ведь самой первой задачей является не определение культурной принадлежности памятника, а его описание. Оно и производится через выделение признаков, через классификацию — выделение типов, а ранее — группы орудий. Всякое изучение должно начинаться с описания того явления, которое изучается. Лишь в итоге описания через сумму типов можно подойти к более сложной задаче — следующему исследовательскому уровню — классификации материала по археологическим культурам. По своей форме — это тоже описание материала, но на более высоком уровне, при помощи более сложных понятий (археологическая культура). Но в соединении с анализом временного и пространственного распределения памятников и культур возможно решение вопросов происхождения археологических культур, хотя это столь трудно решаемая задача, что в большинстве случаев на данный вопрос нельзя ответить. Только с помощью категории «археологическая культура» можно решать вопросы прихода или местного происхождения культуры. Решение самых общих вопросов развития культуры, выделение крупных ее ареалов, называемых нами зонами, соотношение скорости развития материков в палеолите, степень сложности организмов, внутри которых развивается культура, — все это может решаться только на основе точного знания археологических культур, которые существовали в пределах этих ареалов. Наконец, именно археологические культуры являются ключом к изучению социальной организации первобытного населения. Они сами по себе есть следствие существования общественных организаций и их отражение. На вопрос «Кто был носителем археологической культуры» при настоящем уровне знаний нельзя прямо ответить, что это были древние племена. Типологический анализ лежит в основе и выделения более крупных единиц культурного анализа. Пока что попытки выделить более крупные понятия, чем археологическая культура, велись вне понятий «тип» и «археологическая культура». Например, пытались выделить более крупные категории на основе своеобразия хозяйства. По нашему мнению, эта попытка заранее обречена на неудачу, поскольку именно по данному признаку палеолитические племена различались в очень малой степени.

Более крупные единицы анализа, чем археологическая культура, могут быть подразделены на территориальные (мы предлагаем их называть зонами) и нетерриториальные (нами предлагается термин «пути развития»). Известно, что верхний палеолит — явление строго ограниченное по территории — пределы Европы и Передней Азии. Вне этой территории есть либо самый конец верхнего палеолита (последние 2—3 тыс. лет его), либо элементы верхнего палеолита на всем протяжении выступают только в соединении с мустьерскими или ашельскими. На нашей территории это продемонстрировали исследования палеолита Сибири, где он и более поздний, чем в Европе (пока нет памятников древнее 15 тыс. лет), и всегда сопровождается остроконечниками, скреблами, леваллуазскими ядрищами, а местами более ранним элементом — чопнерами. Еще полнее эта же картина рисуется на основе исследований палеолита Австралии и африканского материка. Не случайно на территории Средней Азии нет раннего верхнего палеолита, а там, где элементы верхнего палеолита прослежены, они непременно соединяются с мустьерскими либо носят поздний облик и неотличимы от следующей ступени развития каменных орудий — мезолита. Именно в таком направлении ориентируют нас последние открытия В. А. Ранова на территории Киргизии, а также образцово изученные материалы Обирахмата. На этом основании можно говорить о двух зонах — африканско-азиат-

ской (без верхнего палеолита) и европейско-азиатской (с верхним палеолитом). Эти различия восходят к более ранним эпохам (в Африке нет и типичного мустьерского этапа, синхронного европейскому мустье).

Вместе с тем возможна иная группировка материала — по группам родственных типов. На основе работ ленинградских исследователей сейчас можно говорить о тесной связи нуклевидных, зубчатых, выемчатых и клювовидных орудий. Их связь определяется не морфологическим тождеством, а постоянной совместной встречаемостью. На основании присутствия этой группы можно объединить ряд культур, не находящихся в соседстве, и назвать их культурами зубчатого пути развития. Подобная процедура возможна и на основании присутствия иной группы родственных типов: леваллуазских острий, скребел, ядрищ. Другой путь развития устанавливается на основе связи мустьерского остроконечника, скребла со сходящимися лезвиями и лимаса. Опять-таки культуры, где встречены подобные группы, не находятся по соседству. Отсюда можно сделать вывод — группы культур, относящихся к одному пути развития, не являются территориальными объединениями. В известной мере процедура выделения путем развития тождественна выделению археологических культур, поскольку основана на выделении устойчивых сочетаний, называемых группами родственных типов.

ЛИТЕРАТУРА

- Городцов В. А. 1923. Археология. Т. I. Каменный период. М.—Л.
Рогачев А. Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59.
Bayer J. 1928. Das zeitliche und kulturelle Verhältnis zwischen den Kulturen des Schmalktingenkulturkreises während des Diluviums in Europa Eiszeit und Urgeschichte. Leiden.
Bordes F. 1961. Mousterian Cultures in France. Science, t. 134, № 3482.
Bosinski G. 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A4. Köln-Graz.
Breuil H. 1913. Les subdivisions du Paléolithique supérieur et leur signification. Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques, XIV sess., t. I. Geneve.
Hawkes C. F. C. 1940. The Prehistoric Foundations of Europe to the Mycenaean Age. London.
Krukowski S. 1939. Paleolit Polski. Krakow.
Menghin O. 1931. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien.
Peyrony D. 1932. Les gisements préhistoriques de Bourdellles (Dordogne). Archives del' Institut de Paléontologie Humaine, mèm. 10, Paris.
Roe D. A. 1969. British Lower and Middle Palaeolithic Handaxe Groups. PPS, N. S. v. XXXIV, London.
Vauflrey R. 1928. Le Paléolithique italien. Archives del' Institute de Paléontologie Humaine, mèm. 3, Paris.
Leakey L. S. B. 1951. Olduvai Gorge. London.

В. П. Любин

О ПРОЯВЛЕНИЯХ ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В НИЖНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (по материалам Кавказа)

Выявление и объяснение локальных различий и моделируемых на их основе разнообразных локальных образований — одна из основных задач науки о нижнем палеолите.

Локальные различия в нижнем палеолите, выражающиеся прежде всего в отличиях каменных индустрий, — категория неслужебного характера, придуманная самими исследователями. Это — отражение под-

линной исторической действительности, материальное выражение особенностей развития отдельных обособленных групп древнейшего населения. Локальные различия — категория историческая: с течением времени они претерпевают качественные изменения, приобретают новые особенности. Изучение этих различий, их историческая интерпретация открывают путь к воссозданию древнейшего прошлого населения той или иной области.

Локальные различия проявляются в особенностях каменного и костяного инвентаря, особенностях хозяйственно-бытовых материалов и объектов (жилища, очаги, кухонные отбросы и т. п.), своеобразии свидетельств, связанных с идеологическими представлениями (произведения искусства, погребения и т. д.). Локальные различия — сложный синтез взаимодействия разных по своей природе, масштабу и значимости факторов, главные среди которых — природный, функциональный, социальный. Особое место занимает фактор миграционный: если взаимодействие первых трех раскрывает механизм сложения местных различий, то последний объясняет лишь одну из возможных причин их появления. Остановимся вкратце на каждом из этих факторов.

Природный фактор (ландшафтно-климатическая обстановка, растительный и животный мир, естественные убежища, сырье для орудий) регламентирует возможности расселения раннего человечества, оказывает сильное воздействие на особенности хозяйства и быта, характер жилищ и одежды, в гораздо меньшей степени влияет на облик каменных орудий (Замятин, 1951).

В периоды теплых межледниковий и межстадиалов ашело-мустьерские люди Кавказа расселялись во всех ландшафтно-климатических зонах этой горной страны (вплоть до полосы высокогорий), жили главным образом вне пещер, имели возможность более широко заниматься собирательством. В периоды похолоданий условия жизни сильно менялись. Во времена каппадокийского оледенения, когда граница вечных снегов резко снижалась и происходили большие изменения в расселении растительных и животных видов, палеолитические люди покидали горные районы и укрывались главным образом в естественных убежищах предгорий, ведя в них, по всей видимости, более оседлый образ жизни и соответствующее этим условиям хозяйство. Горно-ледниковый барьер Большого Кавказа в этот период становился непреодолимым (в Сочинском Причерноморье, к примеру, снеговая граница понижалась на 1400—1500 м) и была возможна изоляция Северного Кавказа от Закавказья.

Сосредоточение населения в районах, изобиловавших естественными убежищами, с одной стороны, и возможность частичной или полной изоляции отдельных областей Кавказа — с другой, могли наложить определенный отпечаток на развитие мустьерских культур севера и юга Кавказского перешейка и способствовать усилению оседлости и контактов различных общин в районах известной концентрации населения.

Многообразие каменного сырья на Кавказе (кремь, обсидиан, андезит, сланец и др.), технологические свойства разных пород, особенности их расщепления несколько сказывались иногда на облике каменных орудий отдельных индустрий и районов (Любин, 1969, стр. 17; Коробков, 1971).

Экологические особенности отдельных районов плейстоценового Кавказа вызывали различия в видовом составе фауны и (в зависимости от характера ландшафта и биологических особенностей поведения промысловых животных) обуславливали различные приемы охоты. Местные природные и сезонные возможности позволяли в известных пределах варьировать хозяйственную деятельность отдельных групп (охота, соби-

рательство, добыча лосося в Кударо I и Воронцовской) (Любин, 1970, стр. 38; 1971, стр. 13). Жилища и одежда, по всей видимости, особенно сильно реагировали на изменение внешней среды. В то же время в одинаковых экологических условиях одежда и некоторые особенности жилищ могли обладать местным своеобразием. Материалы о нижнепалеолитических жилищах в настоящее время чрезвычайно скудны, но, судя по новейшим открытиям французских археологов (Bourdier, 1967; Lumley, 1969), этот источник со временем может стать существенным при выявлении локальных различий.

Функциональный (хозяйственно-производственный) фактор. По мнению некоторых исследователей — это главная причина локальных вариаций мустьерских индустрий: местные отличия (=различные индустрии определенного района) отражают не разные культуры, а разные стороны деятельности одной и той же группы людей.

Гипотеза «различных деятельностей» имеет два аспекта: 1) различной сезонной деятельности — каждая индустрия соответствует определенному сезону; 2) различной специализированной деятельности — мустьерские индустрии являются не разными культурами, а отражают различные специализированные занятия людей одной культуры, представленные памятниками различных типов (стоянками, охотничьими лагерями, мастерскими, пунктами забоя животных на охоте и т. д.). Теория специализированной деятельности разработана американскими учеными Л. и С. Бинфордами (Binford and Binford, 1966; Binford, 1969) на основе так называемого факторного анализа, объясняющего характер каждого памятника-комплекса функциональными особенностями слагающих его орудий (вариабельность индустрий суть функциональная вариабельность). Сторонником данной концепции у нас является И. И. Коробков (1966; 1971). Критический разбор этой гипотезы сделан Ф. Бордом и Д. Сонневиль-Борд (Bordes and Sonneville-Bordes, 1970). Факторный анализ Л. и С. Бинфордов нуждается прежде всего в обосновании с помощью функционального и экспериментального методов.

Особенности сезонной и специализированной деятельности могут находить определенное отражение в каменном инвентаре разных памятников одной культуры, но рассмотрение двух разнокультурных памятников в качестве вариаций сезонной или специализированной деятельности одной и той же группы людей не может быть принято. Совершенно неприемлемо в связи с этим предложенное И. И. Коробковым рассмотрение в мустье Кавказского Причерноморья двух «кардинально противоположных по своим характеристикам индустрий» («тейяк» и «леваллуа») в качестве свидетельств деятельности коллективов разного хозяйственного назначения одной и той же группы палеолитических людей (Коробков, 1971).

Там, где особенности сезонной и специализированной деятельности находили отражение в инвентаре нескольких памятников одной культуры, они ни в коем случае не подавляли главного: технико-типологического единства этих памятников. Памятники кударской мустьерской культуры, к примеру, представлены стоянкой (Джручула) и охотничьими лагерями (Кударо, Цона); первая демонстрирует полный набор орудий данной индустрии, вторые — лишь выборочные элементы ее (орудия, потребные в охотничьей «экспедиции»), но идентичность последних образцам из Джручульской коллекции сомнений не вызывает. Инвентарь долговременных стоянок мустьерских людей в отличие от временных также может иметь некоторые различия. В некоторых долговременных стоянках наблюдается высокая степень утилизации кремня, находящая выражение в реутилизации, переоформлении и сильной изношенности многих изделий, в их полифункциональном использовании

(Воронцовская пещера). Однако, повторяем, основные технико-типологические параметры индустрий однокультурных памятников любого типа во всех этих случаях сохраняются.

Кавказские материалы решительно не укладываются в пределы толкований факторного анализа Бинфордов. В инвентаре мустьерских комплексов пещер Сочинского Причерноморья, например, абсолютно преобладают зубчатые орудия, которые рассматриваются Бинфордами как показатель обработки растительных материалов. Надуманность такой интерпретации обнаружилась сразу же, как только С. А. Семenov подверг функциональному анализу кремни Воронцовской пещеры (кремни сохраняли следы различных видов работы). Индустрия зубчатого мустье, как и индустрия любого другого типа, безусловно обеспечивала все стороны деятельности мустьерских людей, и в первую очередь их главного занятия — охотничьего промысла (культурные слои причерноморских пещер, кстати сказать, переполнены костными остатками крупных промысловых животных).

Миграционный фактор объясняет локальные различия приходем нового населения, приносящего новую культуру. В процессе первоначального расселения человечества имели место безусловно значительные передвижения древних людей. Вероятны и периодические подвижки населения, вызванные оледенениями и обводнениями огромных территорий. Оледенения Большого Кавказа, в частности, заставляли палеолитических людей неоднократно покидать высокогорные районы. Возможность миграций на большие расстояния допускается не только в связи с первоначальным расселением и причинами исключительно естественного порядка. Миграцией, к примеру, объясняется появление ориньякской культуры на территории Франции (Bordes, 1968), генетическое родство костешковской и виллендорфской культур (Григорьев, 1966), генетические связи ранних индустрий Костенок на Дону и Ильской стоянки на Кубани (Рогачев, 1957; 1969).

Совершенно недопустимо, однако, объяснять каждую ступень культурного развития приходом нового населения. Привлечение миграционного фактора в качестве объяснения локальных различий требует особенно тщательной аргументации, обоснования культурной и генетической чужеродности для данной территории определенной индустрии. Отсутствие доказательств такого рода приводит к умозрительным построениям. Такова гипотеза Л. Н. Соловьева (1971) о приходе в Абхазию носителей древних пластичатых индустрий с территории Рионской низменности или восточной половины Кавказа.

Социальный фактор. С нашей точки зрения, он является главной причиной локальных различий кремневого инвентаря — самого массового, нередко единственного материала, которым располагает археолог. Проявляется этот фактор в устойчивости традиций обработки камня внутри обособленных, относительно замкнутых человеческих групп. Сохранение культурных достижений отражалось в преемственности техники изготовления и форм орудий на протяжении многих тысячелетий.

Механизм возникновения и действия этого фактора таков. Все средства к своему существованию люди черпают в природе. В процессе общественного производства эти средства превращаются в составной элемент производительных сил. Природные объекты вырываются из их первоначальной непосредственной связи с природой и становятся средствами труда, предметами потребления и т. д. Целенаправленный выбор природных объектов и та новая роль, которую они начинают выполнять в общественной жизни, придают им социальные черты.

Социальный фактор, общественно-трудовая деятельность людей, играющая решающую роль во взаимодействии человека и природы,

может иметь, однако, самое разное конкретное выражение. Одинаковые задачи, стоящие, к примеру, перед каждым обособленным социальным объединением ашело-мустьерских людей, могли быть осуществлены по-разному: одни и те же виды работ — резание, скобление и т. д. — могли выполняться с помощью типологически несходных наборов орудий.

Особенности материальной культуры каждого человеческого коллектива в условиях его относительной замкнутости рождали так называемый культурный традиционализм (культура — хранительница коллективного опыта), противостоявший воздействию внешней среды. В одновозрастных мустьерских индустриях Кавказа влияние внешней среды не находит себе отражения: в условиях одного и того же климата калининского оледенения отмечено сосуществование самых разных каменных индустрий (соответствующие слои пещер Навалишенской, Кударо I, Ереванской). С другой стороны, несмотря на резкие изменения климатической обстановки в течение первой половины вюрма, одни и те же мустьерские индустрии не изменяют своих индустриальных технико-типологических особенностей (данные многослойных мустьерских стоянок в пещерах Кударо I, III и Ахштырской).

Локальные различия в материальной культуре нижнего палеолита Кавказа, как и других территорий, наблюдаемые прежде всего в ее наиболее показательной — «индустриальной» стороне, являются, таким образом, отражением преимущественно социальных (а не природных и иных) факторов.

При изучении местных различий и локальных образований в нижнем палеолите до сих пор не выработано общепризнанных критериев и номенклатуры, отсутствует единая таксономическая система. В зависимости от степени различий и сходств, территориального охвата археологических памятников выделяют различные локальные подразделения, предлагают многоступенчатые схемы локальных образований разного ранга (Формозов, 1959; Valoch, 1968).

Материалы ашельских и мустьерских памятников Кавказа позволяют лишь приступить к разработке данной проблемы, к осторожному обобщению интересных, хотя и недостаточных еще наблюдений. Изучение проявлений локальных различий в нижнем палеолите этой области предполагает в настоящее время следующие градации.

1. Отдельный археологический памятник (индустрия) — наименьшее слагаемое локального образования типа группировки сходных памятников. В каждом таком памятнике можно, по всей вероятности, видеть материальное выражение существования отдельного обособленного коллектива (общины?), который мог делиться на более мелкие структурные ячейки — семьи (мустьерское поселение Трекаса во Франции состоит из остатков десятков жилищ площадью в несколько квадратных метров каждая; Bourdier, 1967; Lumley, 1969).

Разнотипность таких памятников (стоянки, мастерские, охотничьи лагеря), отсутствие в настоящее время данных о возрасте и публикаций о технико-типологических особенностях инвентаря большинства кавказских памятников затрудняют работу по их культурной интеграции.

2. Территориально обособленная группировка одновременных сходных памятников (индустрий) — археологическая культура(?). Локальные образования такого рода отмечаются в двух узко локальных районах Кавказа: в Сочинском Причерноморье (пещеры Ахштырская, Воронцовская, Навалишенская и др.) и в северо-восточной части Колхиды (пещеры Кударо I, III, Цона, Джручула).

Группа сходных индустрий в пещерах Сочинского Причерноморья может быть отнесена к зубчатому мустье с леваллуазской техникой расщепления камня; ее характеризуют наборы орудий, включающие много-

численные зубчато-выемчатые и клювовидные формы, острия различных типов, скребковые рабочие элементы, немногочисленные остроконечники и скребла. Индустрии второй группировки (Кударо—Цона—Джручула) находятся в пределах представлений о типичном мустье, «пластинчатом» с привнесением в него немногочисленных удлиненных, частично двусторонне обработанных остроконечников (наконечники копий?). Есть некоторые основания рассчитывать на выделение группировок сходных памятников в Армении и в Западном Азербайджане (исследования Б. Г. Ерицяна и М. М. Мансурова).

Индустрии, слагающие рассматриваемые локальные образования, могут быть представлены хронологически разными этапами, демонстрирующими преемственность в развитии кремневого инвентаря. В пещерах Ахштырской и Воронцовской, к примеру, колонки культурных напластований которых частично перекрывают друг друга, представлены более ранний и более поздний этапы культуры зубчатого мустье Сочинского Причерноморья (соответственно ахштырский и воронцовский этапы).

Что касается локальных вариантов внутри археологических культур в нижнем палеолите Кавказа, то выделение их не исключено, но на современном уровне наших знаний рискованно, ибо критерии выделения еще не вполне ясны и вероятность объяснения вариативности такого рода хронологическими различиями не может быть отброшена. Локальным вариантом в пределах «кударской» мустьерской культуры может оказаться, например, индустрия пещеры Джручула, генетическая связь которой с мустьерскими индустриями пещер Цона—Кударо I и III несомненна, но одновременность с последними не выяснена. Разнотипность указанных памятников (Джручула — стоянка, Цона и Кударо — охотничьи лагеря) не позволяет к тому же произвести полную идентификацию их индустрий (в охотничьих лагерях представлены лишь специализированные орудия).

Важное значение для понимания существа рассматриваемых локальных образований имеет достаточно широко известное во Франции (Комб-Греналь, Пеш-дель-Азе, Шадурн и др.), на Ближнем Востоке (Ябруд) и в некоторых других районах явление интерстратификации (переслаивания) различных мустьерских культур. Это явление поставило как будто под вопрос связь каждой культуры с определенной территорией, привело к допущению возможности чересполосного существования на одной и той же территории общины — носителей разных вариантов мустьерской культуры (Григорьев, 1968). Мы должны проверить, говорит по этому поводу Ф. Борд, что подразумевают под словами «одновременность» и «одна и та же территория»; никогда не следует забывать о длительности доисторического времени и неточности нашей хронологии. Наша современная техника (седиментология, пылецевые анализы, радиоуглеродные датировки) не в состоянии установить наличие интервала, существующего между приходом на определенную территорию носителей одной культуры и уходом носителей другой (Bordes, 1971). Наиболее вероятным кажется допущение, что в каждый конкретно исторический момент каждая культура связана с определенной территорией; границы же между культурами в некоторых случаях не были жесткими, неизменными, что обуславливалось какими-то местными (природными или иными) обстоятельствами.

Свидетельства переслаивания разных индустрий пока не отмечены ни в одном из многослойных ашельских или мустьерских памятников Кавказа. Условия труднодоступной горной страны, по всей видимости, способствовали более устойчивому закреплению территории за каждой отдельной культурой, постоянному владению обособленными коллек-

тивами определенными угодьями на правах первобытной (общинной) собственности.

Локальные образования типа группировок сходных памятников чаще всего рассматриваются в качестве археологических культур. Мы условно используем этот термин как понятие территориальное, хронологическое и генетическое. Нижнепалеолитические материалы Кавказа, как и других территорий, удостоверяют, что каменные индустрии ашель-мустьерской эпохи развивались в русле локальных образований типа археологических культур: эволюция каменных орудий, их преемственность, передача информации от поколения к поколению прослеживаются именно в рамках этих археологических культур, развитие которых протекало параллельно, обособленно, без заметного взаимодействия. Вместе с тем социальное и историческое содержание тех наиболее архаичных форм археологических культур, которые предстают перед нами в отмеченных локальных образованиях эпохи нижнего палеолита, остается неясным.

3. Вся совокупность нижнепалеолитических памятников данного региона — культурная область(?). Теоретически — это «культурное единство», которое охватывает более крупную территорию и базируется на более общих признаках: на интеграции основных признаков археологических культур рассматриваемой области и показе достаточно контрастного отличия последних от таковых на сопредельных территориях.

Кавказ, как полагает А. Л. Формозов, может рассматриваться в качестве одной из таких областей: с мустьерского времени Кавказ начал обособляться как область концентрации стоянок мустье классического (в отличие от Русской равнины — области концентрации стоянок мустье с ашельской традицией). Выделение отмеченных культурных областей и разграничение стоянок мустье классического и стоянок мустье с ашельской традицией с помощью одного единственного признака (наличие или отсутствие двусторонне обработанных орудий; Формозов, 1959) представляется методически недостаточным.

Дальнейшее накопление информации позволит, возможно, принять в какой-то мере мысль А. А. Формозова об известном своеобразии Кавказа в эпоху нижнего палеолита, обосновав ее всесторонним анализом технико-типологических данных нижнепалеолитических материалов этой области. Сегодня же, если несколько схематизировать и обобщить имеющиеся данные, можно лишь сказать, что мустьерские культуры Кавказа развивались по трем главным линиям, которые существовали параллельно, без заметного взаимодействия. Таковы линии развития мустье типичного, мустье зубчатого и мустье шарантского облика, корни которых уходят в ашельские индустрии Кавказа. Закавказье по ряду признаков (широкая распространенность леваллуазской техники расщепления камня, обилие ручных рубил в ряде ашельских стоянок, изящных и многочисленных удлинённых пластин и леваллуазских орудий в ряде мустьерских) тяготеет к сопредельной переднеазиатской области. Нижний же палеолит Северного Кавказа изучен пока очень слабо, поэтому заключение о «культурном облике» Кавказа в целом является сейчас лишь очень предварительным.

Что касается используемого нами определения «линия развития», то мы подразумеваем под ним ряд близких, но не идентичных в типологическом отношении отдельных мустьерских памятников или культур, как правило, территориально разобщенных, генетическое родство которых доказать трудно, что не исключает, однако, возможности их происхождения от далекого общего «предка». Наше понимание «линий развития» близко к пониманию этого явления Ф. Бордом (Bordes, 1968).

Данная классификационная единица, необходимость которой очевидна, нуждается, конечно, в дальнейших разработках и осмыслении.

Со временем, по мере углубления наших знаний по нижнему палеолиту Кавказа, не исключена возможность выделения в этой области еще одного типа локальных образований, по территориальному охвату промежуточного между культурными областями и археологическими культурами. Речь идет о весьма значительных районах Кавказа. называемых нами археологическими провинциями, в которых наблюдается определенное единство материальной культуры на протяжении всего нижнего палеолита. Таково, к примеру, Сочинско-Абхазское Причерноморье — район высокой концентрации ашело-мустьерских памятников, «очаг» последовательного, автохтонного, преемственного, как это представляется сегодня, развития нижнепалеолитических культур.

Исследование локальных различий (раскрытие культурного своеобразия единичных памятников, выявление локальных образований разных рангов), установление значения каждого из четырех указанных выше факторов в появлении этих различий — важнейшая задача археологии палеолита.

Особенно важны исследование и историческая интерпретация группировок однокультурных памятников. Решение этой задачи требует применения конкретно-исторического метода как важнейшего приема научного изучения явлений. В этой связи необходимо прежде всего определение пространственно-временных координат каждой такой группировки, получение безусловных доказательств одновременности, хронологических взаимосвязей составляющих ее памятников, получение всесторонних (литологических, палинологических, палеонтологических) данных об окружающей внешней среде. Наложение группы синхронных памятников на природный фон и прослеживание изменения основных индустриальных параметров этих памятников на фоне эволюции внешней среды дают недвусмысленный ответ на вопрос о соотношении роли природного и социального факторов в развитии культуры нижнего палеолита.

При изучении археологических материалов необходимы максимальный поиск и мобилизация всех возможных источников информации; здесь нет свидетельств, которыми можно было бы пренебречь. Определение каждой культуры должно исходить не из единичных или нескольких признаков, а из всей суммы показателей культурных остатков — этого органически неразрывного комплекса фактов. В равной степени всесторонне должны исследоваться кремневые и костные материалы, хозяйственно-бытовые объекты (очаги, вымостки, остатки жилищ и т. п.), произведения искусства, свидетельства зачаточных религиозных представлений. Многие из этих данных могут быть отражением определенных «этнических» традиций, представлять самобытные особенности определенной культуры.

Костные материалы, к примеру, в этом отношении изучаются совершенно недостаточно. Между тем они содержат чрезвычайно многообразную информацию не только экологического и хронологического характера, но и палеоэкономического, хозяйственно-бытового и производственного. Планиграфическая и стратиграфическая фиксация костных находок и последующее их всестороннее изучение (вплоть до трассологии) должны производиться с той же тщательностью, что и кремневых. Важны прежде всего те аспекты, которые могут внести вклад в характеристику памятника и культуры. Таковы особенности охотничьей деятельности, техники разделки туш, выборочной доставки на стоянки лишь определенных частей их, утилизации костей, имеющих пищевую ценность, дислокации костных остатков на площади стоянок (данные о жи-

лицах, бытовых и ритуальных моментах), костяной индустрии. Изучение последней особенно важно. Костяные орудия и кости со следами изношенности от работы, как справедливо отмечает Ф. Борд (Bordes, 1961), часто довольно многочисленны на стоянках, но они, как правило, не опознавались и не собирались. Они шли в отход вместе с массой палеонтологически недиагностичных обломков костей, в числе которых они чаще всего встречались.

Наиболее массовым и ярким критерием специфики отдельных индустрий и культур являются кремневые материалы. Методические приемы их обработки и выделения на их основе культур неодинаковы. Г. П. Григорьев (1970) полагает, что применительно к палеолитическим материалам археологическая культура — это прежде всего типологическая характеристика каменных орудий. Ф. Борд разработал систему технических и типологических критериев и метод статистического анализа, которые получили широкое международное признание (Bordes, 1961). Однако принципы классификации нижнепалеолитических индустрий Ф. Борда (Bordes, 1951; 1953), имевшие целью раскрыть кустиющийся аспект эволюции индустрий (в противовес линейному) и исходившие главным образом из типологических критериев, недостаточны для выделения локальных образований типа археологических культур. Типологические индексы позволили выявить в Западной Европе четыре главные параллельные линии развития мустьерских индустрий, различие которых связано с различием в их происхождении (Bordes, 1968). Привлечение технических критериев при этом ограничивалось установлением леваллуазской или нелеваллуазской техники расщепления, индексов фасетирования и пластин и имело второстепенное значение (определение технических фаций).

Разграничение техники только на леваллуазскую и нелеваллуазскую совершенно недостаточно, ибо и первая, и вторая обладают значительной внутренней вариабельностью, что не находит отражения в обобщенном индексе леваллуа техническом и не позволяет использовать эти вариации в качестве другого важного критерия разграничения культур.

Именно таким образом, например, можно использовать различия нелеваллуазской техники расщепления мустьерских комплексов Цопи, Чахмахлы и пункта 3 на Яштухе или различия леваллуазской техники расщепления мустьерских комплексов Кударо, Ахштырской пещеры и Каялы.

Совершенно исключительно значение техники расщепления камня в индустриях, состоящих из неретушированных или мало ретушированных орудий (незначительная красная ретушь мало изменяет облик исходных заготовок). Типологическое определение таких индустрий по существу основывается на технике расщепления (Lumley, 1969). Таковы клектоисские индустрии Яштуха и весьма широко представленные на Кавказе индустрии «леваллуазские» (Ахабинок, Каркуста-Кау, Джрабер VII и др.).

Техника расщепления сохраняет иногда классификационное значение и в индустриях, где вторичная обработка сильно изменяет облик исходных заготовок. Так, отличительным признаком нелеваллуазской и леваллуазской фаций шарантской индустрии, т. е. мустье типа Кина и мустье типа Ферраси, является техника расщепления (+ процентное содержание поперечных скребел); классическое Кина имеет свою особую нелеваллуазскую технику расщепления, называемую *salami slices*; Ферраси характеризуется техникой леваллуа. На Кавказе, кстати сказать, техника *salami slices* хорошо представлена в Цопи и слабо — на Ильской стоянке.

Третьим важным критерием, который следует широко привлекать для выделения археологических культур, является техника вторичной обработки: одни и те же типы орудий в разных индустриях могут изготовляться с помощью различных видов ретуши или других приемов вторичной обработки. Ядришный прием уточнения заготовок, к примеру, достаточно широко распространенный на Кавказе (главным образом, в индустриях типа мустье типичного — стоянки Джручула, Тагларская, Ереванская, Монашеская и др.), варьирует от индустрии к индустрии. Таким образом, положение Ф. Борда о примате типологии над техникой, весьма оправдавшее себя при выяснении линий развития мустьерских индустрий, при выделении археологических культур должно быть заменено положением о предельном использовании всех возможных характеристик — типологии, техники первичного расщепления и техники вторичной обработки.

Состояние источниковедческой базы о нижнем палеолите Кавказа позволяет лишь приступить к рассмотрению вопросов о локальных образованиях в этой области. Главным источником выявления последних являются каменные индустрии. С накоплением данных, однако, все более будет возрастать роль других источников информации. Мобилизация всех видов источников обеспечит более надежное выделение локальных образований всех рангов. Особенно важно в этом отношении обоснование локальных образований типа археологических культур — наиболее яркого проявления локальных различий в нижнем палеолите Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев Г. П. 1966. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности. Докл. и сообщ. археол. СССР на VII Междунар. конгр. доист. и протост., М., стр. 27—35.
- Григорьев Г. П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л. Григорьев Г. П. 1970. Верхний палеолит. В кн.: Каменный век на территории СССР. М., стр. 43—63.
- Замятин С. Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. В кн.: Происхождение человека и древнейшее расселение человека. ТИЭ, нов. сер., т. XVI, стр. 89—152.
- Коробков И. И. 1966. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий. Докл. и сообщ. археол. СССР на VII Междунар. конгр. доист. и протост., М., стр. 5—13.
- Коробков И. И. 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. МИА, № 173, стр. 61—99.
- Любин В. П. 1969. Палеолит Северной Осетии. Матер. по археол. и древн. ист. Севери, Осетии, т. II, Орджоникидзе, стр. 6—46.
- Любин В. П. 1970. Нижний палеолит. В кн.: Каменный век на территории СССР. М., стр. 19—42.
- Любин В. П. 1971. Мустьерская эпоха на Кавказе. Тез. докл., посв. итогам полевых археол. иссл. в 1970 г. в СССР, Тбилиси, стр. 11—14.
- Рогачев А. П. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, стр. 9—134.
- Рогачев А. Н. 1969. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества. В кн.: Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., стр. 181—196.
- Соловьев Л. П. 1971. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми.
- Формозов А. А. 1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.
- Binford L. R. and S. R. Binford. 1966. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies. AA, v. 68, № 2, p. 238—295.
- Binford S. R. 1969. Variability and change in the Near Eastern Mousterian of Levallois facies. New perspectives in archaeology. Chicago, p. 49—60.
- Bordes F. 1951. L'évolution butsonnante des industries en Europe occidentale. Considerations théoriques sur le Paléolithique ancien et moyen. L'Anthropologie, t. 54, № 5—6, Paris.

- Bordes F. 1953. Essai de classification des industries „munstériennes“. Bull. de la Société. Préhist. Franç., t. L, f. 7—8, Paris.
- Bordes F. 1961. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux.
- Bordes F. 1968. Le paléolithique dans le monde. N. Y. Toronto.
- Bordes F. and D. de Sonneville-Bordes, 1970. The significance of variability in palaeolithic assemblages. WA, v. 2, № 1.
- Bourdier F. 1967. Préhistoire de France. Paris.
- Lumley H., de. 1969. Les civilisations préhistoriques en France. Corrélations avec la chronologie quaternaire. Études françaises sur le Quaternaire, présentées à l'occasion du VIIIe Congrès international de l'INQUA. Paris.
- Valoch K. 1968. Evolution of the palaeolithic in Central and Eastern Europe, Current Anthropology, v. 9, № 5, p. 351-390.
-

II. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В 1971 г.

Х. Алпысбаев

РАЗВЕДКА ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА В 1971 г.

В полевом сезоне 1971 г. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР организовал отряд по изучению памятников палеолита и неолита Казахстана под руководством автора с целью проведения детальных археологических исследований в районе Угамской долины и Караунгурской пещеры. Разведывательный маршрут пролегал вдоль дороги Ленгер—Угам. Отдельные участки, казавшиеся наиболее подходящими для древних стоянок, были изучены подробно, а другие бегло. Зафиксировано много новых памятников эпохи камня. Среди них особый интерес представляют местонахождения, приуроченные к району Темирлановки, где нами были подобраны треугольные отщепы со следами предшествующего скола широкими фасетками. На правом берегу р. Арысь, примерно в 10—12 км ниже вышеназванного села, под обнажением II надпойменной террасы были подняты пластинки и отщепы из камня молочного цвета, с ржавым и бурым налетом. Одна из пластинок из серого кремня; на ее спинке три параллельных скола, нижняя поверхность гладкая, ударный бугорок расположен на левом боку основания и слегка наискось по отношению к длинной оси. Длина пластины 8 см, ширина 4,2 см, толщина 0,9 см. Среди изделий преобладают неправильные пластины, характерные в основном для среднего палеолита — мустье.

В верховьях Узынманат были найдены пластинчатые отщепы с характерными ударными площадками и бугорками. На поверхности террасы р. Арысь, в 3 км южнее с. Коммунизм, выявлены два местонахождения, давшие незначительное количество кремневого инвентаря, среди которого преобладают пластинки и мелкие отщепы. По форме изделий и патинизации эту коллекцию можно сопоставить с находками в вышеуказанном местонахождении.

В устье р. Боролдай, недалеко от с. Шубаровки, на правом берегу, на высоте около 8 м над руслом обнаружены сильно патинизированный отщеп с резцовыми сколами. Несколько выше этой находки были подняты аналогичные кремневые изделия. Главной особенностью этих находок является наличие больших пластинчатых отщепов с преобладанием нижнепалеолитических.

При разведке особое внимание было уделено пещерам Южного Казахстана. С этой целью в пещере Караунгур был заложен стратиграфический разведочный раскоп. Караунгурская пещера расположена в 56 км к северо-востоку от г. Чимкента. На западной окраине пещеры

был заложен стратиграфический раскоп размером 6×3 м, доведенный до глубины от 2.35 до 5.70 м, поскольку здесь культурный горизонт приурочен к разным уровням. В пещере Караунгур исследовано 5 слоев, на отдельных участках имеются небольшие овальные углубления толщиной 0.4 см. У северо-западной стенки пещеры находились очаги в виде небольших неправильно округлых углублений, насыщенные белой золой, углями, прокаленной землей. В большинстве очаги неглубокие, до 20 см, заполненные сильно обожженной землей и иногда до предела насыщенные белой кизяковой золой с углями кустарников. В стратиграфических шурфах обнаружено значительное число костей животных, в большинстве раздробленных. Преобладают кости диких животных, в том числе архара, лошади, сайги, кулана, лисцы, волка, оленя, свиньи, кошки, черепахи и т. п. Кремневый материал состоит из нуклеусов, различных скребков, вкладышей, пластин с выемкой, проколов, сегментов, трапеций, наконечников стрел и отщепов (рис. 1). Кроме того, собраны костяные изделия — иглы, шилья, лощила — и фрагменты керамики (рис. 2). В квадрате 2—2 на глубине 260 и 290 м найдено 5 фигурок, сделанных из первых фаланг диких животных. Комплекс археологических материалов из пещеры Караунгур и высота расположения II террасы над рекой того же названия позволяют нам датировать эту стоянку временем неолита.

Отряд провел в 1971 г. также поисковые маршруты. В результате обследования р. Угам, выше ее среднего течения, на берегу небольшого сая обнаружена пещера Сырунгур. Здесь в разведочном шурфе были найдены треугольные расщепленные отщепы мустьерского облика (рис. 3). Кремнь этот напоминает материалы из нижнепалеолитических местонахождений северо-восточной части хребта Каратау. Вероятно, сырунгурицы свои орудия изготавливали из каратауских кремней, выходы которых находятся по прямой в 80—100 км от этой стоянки. В той же пещере на одной из ее стен нами были выявлены рисунки, сделанные красной и темно-коричневой краской, расположенные на высоте 1—1.20 м над полом. Композиция содержит несколько человеческих изображений и другие фигуры. Некоторые фигуры людей нарисованы с раскинутыми руками. По-видимому, нахождение рисунков в пещере с неолитическими слоями еще не свидетельствует об одновременности последних.

В районе долин Арыси, Сырдарьи, Аксу во время рекогносцировочных поездок отряд при участии геолога Б. А. Волчкова посетил места выходов брекчии, конгломератов и красных глин, относимых некоторыми специалистами к коренным позднекайнозойским породам. Пока достоверных памятников эпохи палеолита здесь не обнаружено. Взяты образцы для пыльцевого анализа.

В. А. Ранов, В. А. Жуков, А. Х. Юсупов

РАБОТЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ТАДЖИКИСТАНА В 1971 г.

В 1971 г. работы по изучению памятников каменного века территориально были сосредоточены в трех районах республики. В Дангаринском районе осуществлены раскопки площадки перед пещерой Огзи-Кичик (В. А. Ранов). В зоне затопления Турекской ГЭС проведен очередной сезон раскопок поселения Саёд. В Яванской долине осуществлены разведки (А. Х. Юсупов). На Восточном Памире продолжены разведки в Аличурской долине (В. А. Жуков).

Огзи-Кичик. Эта стоянка, приуроченная к площадке перед одноименной пещерой, находится в 17 км к северо-востоку от Дангары, у кишлака Шар-Шар, в юго-западных отрогах Вахшского хребта. Абсолютная высота пещеры, расположенной у подножия перевала Гули-Зиндон, 1200 м. Высота площадки над тальвегом сая Чақыр-Булак 11 м.

Общая площадь раскопа, охватившего в целом всю площадку, 200 м². В северной части его древние отложения целиком замещены молодыми рыхлыми, пылеватыми, углисто-золотистыми или суглинистыми прослойками. Основная площадь раскопа находилась к югу от входа в пещеру. Здесь вскрыто до 4 м склоновых щебнистых суглинков делювиального происхождения. Изделия каменного века находятся в переотложенном состоянии. Только на северо-западном участке раскопа сохранился испотребованный культурный слой мощностью 1 м, распространенный на площади 35 м², который сверху был «бронирован» щебнисто-обломочной селевой линзой. Он включает крупные кострища, состоящие из пятен преимущественно костного угля. Между кострищами скопилось огромное количество обломков панцирей черепах (свыше 12 000 штук), которые в отдельных случаях образуют скопления в виде своеобразной костеносной брекчии, распространенной крупными пятнами.

Черепашьи входили в рацион первобытного человека начиная со времени существования стоянок в Олдувейском ущелье. Они нередки в памятниках ашельского, мустьерского, верхнепалеолитического времени. В Средней Азии остатки черепах найдены в Аман-Кутане (Бибилова, 1958, стр. 229). Значительное число обломков панцирей черепах обнаружено в процессе раскопок Саёда. Имеются они и на других стоянках гиссарской культуры. Однако нигде в мире до сих пор не встречалось культурного слоя, столь насыщенного остатками черепах, по своему характеру напоминающего раковинные кучи. Во всяком случае прямых аналогий «черепаховому слою» Огзи-Кичика пока обнаружить не удалось. По всей очевидности, скопления костных остатков черепах, редкие пятна пережженной земли — остатки кострищ, зафиксированные в южной части раскопа, принадлежат тому же «черепаховому слою», сильно размытому. Среди 15 тыс. костей, полученных в результате раскопок, 1600 — определяемые (в это число не входят обломки панцирей черепах, упоминавшиеся выше). Ш. Шаратов (Инст. зоологии и паразитологии АН Таджикской ССР) выделил среди них кости 17 видов млекопитающих, 2 видов рептилий, птиц. Отмечены кости ископаемых животных: посорога, плейстоценового осла, лошади.

Археологический материал представлен только изделиями из камня. Их немного больше 2000 экз. Типологически выделяются два комплекса: древний, мустьерский, и молодой, скорее всего мезолитический. По предварительным подсчетам к древнему комплексу относится не менее 80% всех находок.

Мезолитический комплекс очень невыразителен. Это микролитондные пуклеусы, довольно небрежно огранные, конусовидной формы, одноплощадочные, реже — многоплощадочные, кубовидные. Обе формы хорошо известны в мезолите и неолите юга Таджикистана. Орудий мало. К их числу относятся пластинки и отщепы с краевой ретушью, в том числе и инверсионной — с брюшка, и тонкие острия с крутой, почти притупливающей ретушью (длина 5—5.5 см), известные и в горизонте 2а Туткаула. Среди орудий мустьерского комплекса (11% по отношению ко всем находкам, включая обломки и осколки) более всего распространены конвергентные скребла различных типов, в том числе на крупных удлиненных пластинках. Можно отметить большое разнообразие оформления рабочего края этих орудий — имеются скребла с прямыми, вогнутыми, выпуклыми и комбинированными лезвиями. Очевидно, к

этой же группе изделий нужно отнести и значительное число остроконечников с притупленным острием, и группу «лимасовидных» предметов. Присутствуют и крупные, превосходно оформленные остроконечники, но их мало. Большая часть орудий дошла до нас в обломках. По разнообразию форм и тщательности обработки коллекция орудий из Огзи-Кичика бесспорно занимает одно из первых мест среди мустьерских памятников Средней Азии. Значительно хуже здесь представлены заготовки и нуклеусы. Это объясняется, очевидно, удаленностью первичного материала (рис. 4).

Геологические условия стоянки Огзи-Кичик изучались А. А. Никоновым, С. А. Несмеяновым, В. В. Лоскутовым и В. В. Лимом. Геологи пришли к выводу о том, что площадка, на которой заложен раскоп, не могла сформироваться раньше, чем самый конец верхнего плейстоцена, вернее всего, что она сформировалась в голоцене. Это совпадает с археологическими данными, поскольку орудия обоих комплексов находятся по всему раскопу в смешанном состоянии и очень часто мустьерские вещи встречаются выше по разрезу, чем мезолитические.

Таким образом, древнейший комплекс — мустьерский и соответствующая ему фауна находятся в перемещенном состоянии и снесены с более высоких гипсометрических уровней. К сожалению, место сноса установить не удалось. Очень возможно, что склоновые процессы полностью уничтожили поверхность, на которой размещались мустьерские охотники. Люди, оставившие культурные остатки мезолитического комплекса, жили в то время, когда процесс формирования склона еще не закончился. Особой надежды на нахождение неотревоженных горизонтов мустьерского времени в будущем сезоне у нас нет, но раскопки стоянки Огзи-Кичик будут продолжены, поскольку мы еще не закончили разборку «черепашьего горизонта». Кроме того, древний мустьерский комплекс Огзи-Кичика дает очень высокий процент превосходно обработанных орудий, поэтому его количественное увеличение весьма желательно.

Саёд. На этом памятнике продолжена разборка основного раскопа, а также произведены работы, связанные с уточнением стратиграфии. В значительной степени пополнилась коллекция каменных орудий, во многом повторяющая основные типологические формы Туткаула. Чрезвычайно интересно то, что впервые для обоих поселений гиссарской культуры, обнаруженных в зоне строительства Нурекской ГЭС (Туткаул и Саёд), найдены следы зольно-гипсовой обмазки, которая, как и в Куй-Бульене, представляет собой, очевидно, обмазку полов (Окладников, 1961). К сожалению, сохранность обмазки в Саёде очень плохая. На большей части вскрытой площади первого горизонта она выражена в виде крупного зольного пятна, лишь на небольшом участке сохранились отдельные куски толстой обмазки, совершенно аналогичной куй-бульенской. В 1971 г. зоолог Ш. Шарпов проанализировал многолетнюю остеологическую коллекцию Саёда. Результаты его работы еще не опубликованы, но, по предварительным данным, большая часть костей принадлежит домашним животным: овце и козе. Подтвердились также и данные Б. Батырова о наличии среди фауны Туткаула костей *Bos primigenius*, поскольку среди определяемого материала из Саёда найдено несколько особей этого вида. Таким образом, существование первобытного быка в голоцене Средней Азии, зафиксированное ранее в зараутсайских писаницах, сейчас подтверждено уже целой серией находок на неолитических памятниках (Батыров, 1968).

Разведки в Яванской долине. Сезон 1971 г. был наиболее удачным в исследовании памятников каменного века долины. Если за два предыдущих года работ (1963 и 1970) было найдено всего 6 местонахождений, то в 1971 г. к ним добавлено еще 12. Это открытые местонахождения,

приуроченные к различным уровням адырной части хребтов Рангантау (ограничивает Яванскую долину с запада) и Каратау. Несколько пунктов обнаружено на склонах указанных хребтов, в том числе и на водоразделе передовой гряды Рангантау.

Наиболее крупным из открытых в сезоне 1971 г. местонахождений является Гуликандоз, расположенное неподалеку от одноименного кишлака на плато, которое соединяет указанные выше хребты. По своему геоморфологическому расположению это древняя поверхность, выработанная на мощных лёссовых отложениях. Каменные изделия найдены на поверхности покровных суглинков и в этом плане, очевидно, представляют определенный интерес для геологов. Подъемный материал встречается к западу от названного населенного пункта, в небольшой локальной седловинке, на высоте 70—80 м над руслом современного сая. Площадь основной концентрации находок 100×120 м. Здесь собрано около 6000 предметов, в том числе 500 нуклеусов. Находки, как это обычно бывает в неолитических памятниках Южного Таджикистана, можно разделить на две, существенно отличающиеся группы.

1. Грубые отщепы крупных размеров, изредка превращенные в скребловидные инструменты (рис. 5, 5), скребла-чоппинги (рис. 5, 4), галечные нуклеусы. Все эти изделия изготовлены из грубозернистых вулканических пород.

2. Отщепы, кремневые пластинки трапециевидного и треугольного сечения (5, 3), иногда с ретушью, скобели и проколки на них. Самую крупную серию среди кремневого инвентаря представляют нуклеусы из серого и розового кремня, пропластки которого встречаются в меловых известняках Каратау. Это небольшие по размерам микронуклеусы, с которых были сняты тонкие и узкие пластинки. Их форма варьирует от торцовых или односторонних нуклеусов до карандашевидных (последних, однако, мало) (рис. 5, 1, 2). Преимущественным распространением пользовались одноплощадочные нуклеусы.

Общий характер открытых местонахождений и находок на них свидетельствует о том, что Яванская долина представляет собой новый район распространения гиссарской культуры. Таким образом, в Южном Таджикистане имеется сейчас несколько территориально приуроченных районов интенсивного скопления памятников гиссарской культуры — гиссарский, туткаульский, дангаринский, яванский и кулябский. В настоящее время назрела необходимость перейти от общего обследования к решению конкретных исторических задач и, проведя подробное обследование одного из этих районов, рассмотреть его как племенную или родовую территорию, где протекала хозяйственная деятельность данного социального организма.

Восточный Памир. Разведочные работы, которыми возобновляются исследования древнейшего прошлого этого района, проводились в верховьях Аличурской долины; по Кабриген-Саю и Ак-Джилге; в районе камня Чатыр-Таш; восточнее Чатыр-Таша; у оз. Учкуль. Обнаружено одно местонахождение на Ак-Джилге в верховьях Кабриген-Сая. Кабриген-Сай представляет собой сравнительно широкую долину восточно-памирского (тибетского) типа с хорошо развитыми «чукарами» — моренными полями. Наиболее древними являются высокие (35—40 м) морены с сильно выветренной поверхностью.

Сборы обработанного камня сделаны в месте впадения р. Ак-Джилги в основную долину Кабриген-Сая на высоте 4100 м над ур. м. Здесь река, прорезав моренное поле, образовала два террасовидных уступа, лежащих на высоте 1,5—2 м от русла реки. Обработанный камень встречен как на первом, так и на втором уступе. Интересно, что на нижней площадке изделия каменного века окатаны, тогда как на верхней имеют

более острые грани и менее патинизированы. Возможно, что это связано с паводком, очень слабым на памирских реках, воды которого не поднимались выше первого уступа. Изделия каменного века собраны на площади около 200 м²; они встречались, за исключением двух крупных пятен находок, очень разрозненно, и есть все основания предполагать, что небольшая охотничья стоянка, располагавшаяся на поверхности одной из молодых голоценовых террас Ак-Джилги, была размыва, а часть изделий переотложена на более низкий уровень.

Основную часть сборов составляют крупные отщепы и пластины совершенно палеолитического облика (рис. 5, 7), которые ранее многократно фиксировались на различных стоянках Восточного Памира. Им соответствуют крупные многоплощадочные нуклеусы невыдержанной формы, редко принимающие дисковидные очертания. В нескольких случаях отмечена ретушь по краю (рис. 5, 6). По всей очевидности, этот материал сопровождался, как это бывает на стоянках маркансуйской и гиссарской культур, и микролитонным инвентарем. Об этом говорит, в частности, находка небольшого, правильно ограненного, торцового нуклеуса из кремня с мелкой подправкой отбивной площадки (рис. 5, 8). Следует добавить, что на стоянке найдено большое количество изделий из плиток. Их преднамеренная обработка может быть подвергнута сомнению. Вместе с тем небольшие плоские плитки были удобными заготовками. Их использование без предварительного скалывания вполне вероятно. В целом новое местонахождение в сас Кабриген дополняет известные ранее материалы по каменному веку Алпчурской долины.

ЛИТЕРАТУРА

- Батыров Б. Х. 1968. Фауна млекопитающих кремнедобывающих мастерских Учтуга в низовьях реки Зеравшан. Матер. республиканск. научн.-техн. конф. молодых ученых и аспирантов, сер. биол., Самарканд.
- Библикова В. П. 1958. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I. СА, № 3.
- Окладников А. П. 1961. Исследования памятников каменного века в районе Куляба и Дангары осенью 1959 г. Тр. Инст. этн. им. А. Дониша, т. 31.

Н. Х. Ташкенбаев

О НОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

Большим событием в палеолитоведении Узбекистана явилось открытие весной 1971 г. палеолитических стоянок на территории Самаркандской области, в местечках Зирабулак и Кутурбулак Парпайского района, в 100 км к юго-западу от г. Самарканда.

Указанные памятники открыты Средне-Зеравшанским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР, возглавлявшимся Ю. Ф. Буряковым. Стационарное же исследование новых палеолитических памятников начато автором этих строк летом 1971 г.

Предгорная зона Зеравшанского оазиса, где расположены данные палеолитические стоянки, была благоприятна для обитания первобытного человека. Древний житель вел свою трудовую деятельность вблизи имеющихся древних родников, изготавливал здесь же, на месте, кремневые орудия, получал сырье для изделий из выходов кремневых пород, расположенных в 3—5 км южнее памятников.

Предварительное исследование местечка Зирабулак показало, что древние культурные слои были разрушены в последующие эпохи при

различных стронтельных работах. Среди находок здесь представлены отщепы, пластины, различные орудия.

Более перспективным памятником является Кутурбулакская стоянка, расположенная в 1 км от Зирабулака. В результате исследования данного памятника в 1971 г. было получено огромное количество кремневых изделий, которые, судя по технике изготовления и типам, характерны для мустьерского времени.

Участок разбитого здесь раскопа занимает 10×11 м. Кроме того, было заложено пять шурфов размером 2×2 м. Раскоп дал пять культурных горизонтов, из них три нижних не потревожены, а верхние два, очевидно, являются выбросами из родника, образовавшимися при очистках последнего населением кышлака. Археологический материал встречается во всех горизонтах Кутурбулакской стоянки (рис. 6). Среди собранного кремневого инвентаря этого интересного памятника преобладают дисковидные нуклеусы типично мустьерского времени (рис. 7, 1). В небольшом количестве имеются одно-двуплощадочные нуклеусы.

Большая часть заготовок Кутурбулакской стоянки состоит из удлиненных пластин со вторичной обработкой. У многих из них огранка спинки параллельная, проходящая по всей или почти всей длине пластины (рис. 7, 2, 3). Подобные пластины встречаются во многих мустьерских памятниках Средней Азии — в Тешик-Таше (Окладников, 1949), Ходжикенте (Окладников, 1961), Кайраккумах (Литвинский, Окладников, Рапов, 1962).

Доминирующими кремневыми орудиями из культурных горизонтов Кутурбулакской стоянки являются остроконечники, различные скребла, скобели, а также пластины и отщепы с выемчато-зубчатой ретушью и пр. (рис. 7, 4—7).

Зубчатая техника обработки рабочих краев орудий Кутурбулакской стоянки аналогична вторичной обработке орудий на Кульбулакской палеолитической стоянке в Ташкентской области (Касымов, 1969).

Открытие Кутурбулакской мустьерской стоянки имеет большое значение для изучения палеолита Узбекистана. Подробное археологическое исследование данного памятника даст более глубокое представление о характере мустьерских культур Средней Азии и направлении их культурных связей.

ЛИТЕРАТУРА

- Литвинский Б. А., А. П. Окладников, В. А. Рапов. 1962. Древности Кайраккумов. Тр. Инст. исг. АН ТаджССР, т. 33, Душанбе.
Касымов М. Р. 1969. Исследования многоклеточной палеолитической стоянки Кульбулак. АО 1968 г. М.
Окладников А. П. 1949. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца. В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.
Окладников А. П. 1961. Ходжикентская пещера—новый мустьерский памятник Узбекистана. КСИА, в. 82.

М. Б. Юнусалиев

О РАБОТАХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА В КИРГИЗИИ В 1971 г.

В 1971 г. палеолитический отряд Торткульской археологической экспедиции приступил к стационарным исследованиям двух открытых ранее палеолитических стоянок: Тоссор на южном берегу Иссык-Куля и Георгиевский Бугор в Чуйской долине. Стационарные исследования

палсолитических памятников проводились впервые на территории Киргизии.

На стоянке Тоссор, открытой В. А. Рановым в 1965 г., предварительно исследованной в 1967—1968 гг., археологический материал найден как на поверхности покровной толщи, так и непосредственно в ней. Пылеватый материал покрова образован делювиальным выносом мелкоземы из гравитационных отложений, расположенного выше склона террасы и, возможно, частично отложениями конуса выноса притока главной реки. Изготовление мустьерских орудий и отщепов относится к началу эрозионно-аккумулятивного, ранневерхнеплейстоценового цикла.

В 1971 г. здесь были заложены два раскопа, захватившие три заложённые прежде разведочные траншеи. Археологический материал (около 3000 экз.) дал большое количество прямоугольных и атипических пластин мустьерского типа. Подлинных леваллуазских — узких, вытянутых, правильно огранных пластин — встречено мало. Из орудий обращают на себя внимание скребло на удлиненной пластине с тщательно обработанным краем и остроконечник. Среди нуклеусов имеются двуплощадочные и нуклеусы, близкие к призматическим. Большой процент в коллекции принадлежит сколам и осколкам. Культурного слоя нет.

Стоянка Георгиевский Бугор открыта разведочными маршрутами в 1967 г. Она расположена на Георгиевском городище — одном из поселений комплекса Чумышских развалин XI в. Исследование в 1971 г. проводилось в восточной, наиболее приподнятой части бугра как на поверхности террасы, так и по ее юго-западному и северо-восточному склонам. Три траншеи глубиной до 3 м дали сравнительно большое количество находок на уровне от 20 до 120 см. Каменный материал, основная подавляющая масса которого была собрана на поверхности останца, и находки внутри элювиально-делювиального слоя по возрасту не древнее конца времени формирования IV цикловой террасы и синхронны в основном времени формирования последующего вреза и отложений III цикловой террасы. В коллекции более 1000 экз. Помимо многочисленных отщепов и нуклеусов имеются хорошо выраженные орудия: тщательно выделенные остроконечники и группа законченных односторонних и двусторонних скребел. Много в коллекции чопперов и чоппингов, аналогичных кара-буринским в Северном Таджикистане.

Работы на стоянках не закончены. Первостепенной задачей в следующих сезонах будет попытка обнаружения на Георгиевском Бугре культурного слоя и увеличения палеолитических коллекций на обоих памятниках.

С. А. Несмеянов

ГЕОЛОГИЯ САМАРКАНДСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ (результаты работ 1971 г.)

Самаркандская стоянка — один из важнейших памятников верхнего палеолита Средней Азии. Однако ее место в верхнем палеолите спорно. Д. Н. Лев, много лет возглавлявший раскопки, относит стоянку к начальному этапу верхнего палеолита (Лев, 1964, стр. 109), а В. А. Ранов — ко второй его половине (Ранов, 1969, стр. 32), полагая, что абсолютный возраст ее находится в интервале 15—20 тыс. лет назад (устное сообщение В. А. Ранова). Геологические материалы позволяют отдать предпочтение точке зрения В. А. Ранова.

Четвертичные отложения долины Зеравшана делятся на четыре комплекса, большинство из которых объединяет по две региональные террасы (см. таблицу).

Бассейн Амударьи	Бассейны Зеравшана и Кашкадарьи	Сводная схема Средней Азии	
		горизонты	подгоризонты
Амударьинский комплекс	Зеравшанский комплекс	Сырдарьинский	Ходжаягонинский
			Туткаульский
Душанбинский комплекс	Сукайтинский комплекс	Голодноестепский	Самаркандский
			Охтинский
Плякский комплекс	Карнабский комплекс	Ташкентский	Джаркутанский
			Онарчинский
Вахский комплекс	Азкамарский комплекс	Конкурганский	—

Поскольку Зеравшан является притоком Амударьи, то на него в принципе может быть распространена стратиграфическая схема, разработанная для Таджикской депрессии. Для долины Зеравшана можно использовать и сводную шкалу, опирающуюся на схему, предложенную Н. П. Васильковским и Ю. А. Скворцовым для Ферганы и приташкентского района (Несмеянов, 1971, стр. 44—54).

Геологию стоянки в разное время изучали В. В. Шумов, А. А. Юрьев и автор. В. В. Шумов еще в 1939 г. выяснил приуроченность открытых Н. Г. Харламовым культурных остатков к низкой террасе сая Чашмасаб. В то время еще не была разработана местная стратиграфическая схема четвертичных отложений района. А. А. Юрьев (Юрьев, 1964) сопоставил террасу, в которой были сделаны первые археологические находки, с суглинками III позднеголоценовой террасы Зеравшана. Ниже излагаются материалы геологических наблюдений автора, проведенных летом 1971 г.

До недавнего времени культурные слои на Самаркандской стоянке были известны только из разреза «нижней» террасы сая Чашмасаб, возвышающейся на 4,5 м над дном искусственного озера. Однако это дно сложено осадками, которые накопились за дамбой, перегородившей сая. Первоначальная высота террасы над дном сая достигала примерно 10 м. Культурные слои приурочены к 2-метровой пачке в нижней части суглинистых покровных отложений делювиального или делювиально-пролювиального генезиса, перекрывающих русловые пески и достигающих мощности 3—5 м. Обособление культурных слоев опирается на разнородный материал и проведено с разной степенью достоверности. Слои, выделенные в разных частях террасы, недостаточно увязаны между собой. Вероятно обособление четырех слоев, которые дают близкий археологический материал и, очевидно, сформировались за краткий отрезок времени. Раскопками вскрыты следы древних выработок, в заполнении которых встречаются обломки античной и средневековой керамики. Так, в раскопе III 1967 г. зафиксировано прямоугольной формы тело известковистых суглинков, вертикальные края которого се-

кут горизонтальные песчаные и глинистые слои. В суглинках, заполняющих древнюю выработку, присутствуют палеолитические изделия и антропологические остатки — отпечаток черепа, зуб и ножная кость (Лев, 1970, стр. 28). Эти изделия правильнее считать переотложенными. В ряде случаев такие древние выработки опираются на песчаные слои. Не исключено, что они представляли собой колодцы или кяризы, доведенные до водоносных песков.

Работами последних лет, проводившимися под руководством Е. Н. Амарцевой и М. Д. Джуракулова, обнаружены культурные остатки в разрезе более высокой, «верхней» террасы, поверхность которой на 6 м возвышается над «нижней» террасой. Часть «верхней» террасы, вскрытая раскопками до глубины 8 м, сложена делювиальными и делювиально-пролювиальными покровными суглинками с линзами песков мощностью до 1 м. Эти пески, очевидно, являются осадками небольших боковых сав, впадавших в Чашмаснаб. В интервале глубин от 3 до 7 м встречаются палеолитические изделия. Их сущность и присутствие углистого материала позволяют предполагать существование нечетко выраженного культурного слоя на глубине около 5 м. Археологический материал еще недостаточен для возрастной датировки вмещающих пород покровной толщи террасы. Местами (например, раскопом 1971 г.) здесь также вскрыты следы древних выработок, в заполнении которых встречается керамика.

Корреляция террас сая Чашмаснаб, развитых в районе стоянки, изображена на рис. 8. В настоящее время может быть достаточно четко установлено соответствие «нижней» из этих террас с позднеголодностепской террасой р. Зеравшан. Корреляция «верхней» террасы требует дополнительных исследований. Покровная толща позднеголодностепской террасы сая Чашмаснаб вместе с заключенными в ее основании культурными слоями, по-видимому, отвечает самому началу сырдарьинского этапа. Покровная толща «нижней» террасы Самаркандской стоянки сформировалась, очевидно, в то время, когда накопление позднеголодностепского аллювия закончилось и раннесырдарьинская регрессивная эрозия продвигалась вверх по притокам Зеравшана.

Недостаточная изученность взаимоотношений «верхней» террасы сая Чашмаснаб с террасами Зеравшана, а также связанного с ней археологического материала не позволяет решить вопрос о ее датировке. Однако вероятность раннеголодностепского возраста этой террасы позволяет предполагать возможность аналогии ее покровной толщи, вмещающей палеолит, с покровной толщиной раннеголодностепской террасы на стоянке Шугноу (Южный Таджикистан). В последней заключен ряд культурных слоев верхнего палеолита, наиболее древние из которых датируются около 30 тыс. лет назад. Если высказанные выше предположения о корреляции «верхней» террасы сая Чашмаснаб верны, то нижние горизонты ее покровной толщи должны быть синхронны с аллювием «нижней» террасы данного сая. Верхний возрастной предел накопления этого аллювия датируется культурными слоями из нижней покровной толщи. Таким образом, на Самаркандской стоянке возможна наиболее полная датировка образований позднеголодностепского подгоризонта; последний поэтому предлагается именовать самаркандским.

ЛИТЕРАТУРА

- Лев Д. П. 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. Тр. САМГУ, пов. сер., в. 135, Самарканд.
- Лев Д. Н. 1970. Из истории изучения первобытной археологии Самарканде. Тр. САМГУ, пов. сер., в. 182, Самарканд.
- Несмеянов С. А. 1971. О единой стратиграфической схеме континентальных новейших отложений Средней Азии и Казахстана. Жизнь земли, № 7.

- Рапов В. А. 1969. Самаркандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии. ИАН ТаджССР, № 4 (58), Душанбе.
- Юрьев А. А. 1964. О возрасте террас р. Зеравшан в связи с геолого-геоморфологическим изучением окрестностей пещеры Аман-Кутан. Изв. Узб. фил. географ. общ., т. 8.

У. Исламов

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ РАБОТ НА СТОЯНКЕ ОБИШИР V В 1971 г.

Ферганский мезолитический археологический отряд, руководимый автором этих строк, в течение двух месяцев осуществлял археологические исследования в долине р. Сох. Основные работы отряда проводились на памятнике Обишир V, который расположен в Риштанском районе Ферганской области. В предыдущие годы на стоянке Обишир V нами была установлена стратиграфия поселения и найдены разнообразные кремневые орудия, свидетельствующие об обживании ее в эпоху мезолита. В 1971 г. основная задача состояла в том, чтобы методом широкого раскопа выявить границы поселения, уточнить стратиграфию и накопить археологический материал для лучшего и всестороннего изучения памятника. Поэтому раскоп был расширен к югу и к востоку на 67 м². Северные и западные границы стоянки были более или менее известны. Северная и западная части поселения находились ближе к скалистому дну пещеры.

По результатам работ предыдущего года мы знали, что пещерная стоянка Обишир V имеет три культурных слоя — античный (верхний) толщиной от 135 до 160 см и два мезолитических слоя — верхний и нижний. При вскрытии верхнего слоя было обнаружено каменное ограждение, охватывавшее поселение с южной, восточной и частично западной сторон. Стена сложена из громадных глыб. Через каждые 2 м стена упирается в груды камней различной величины, выходящие в стороны за пределы плоскости стены. Таких скоплений камня мы насчитали три. Первое в кв. 3-9-10, второе в кв. А-5-6, К-6, Н-5-6 и третье в кв. М-1-2-3, Л-1-2-3. Стена в кв. Л-1-2-3 сворачивает на север к кв. Я-1 и К-1. Основание ее достигает глубины 140—150 см. С внешней стороны ограды на глубине 180 см выявился пол античного времени с промазкой толщиной от 2 до 50 см. Сразу же под полом идут кремневые орудия, относящиеся к эпохе мезолита. По всей видимости, здесь в начале мезолита поселились люди, а поверх древней стоянки в античную эпоху скотоводы заново устроили для себя жилища. Эти жилища были не постоянными, а временными — летними. Скорее всего в те времена пастбища были очень хорошими, что создавало благоприятные условия для скотоводства. Первоначально предполагалось, что ограда имеет отношение к мезолитической стоянке, но, судя по всему, вышеописанная каменная стена относится к античной эпохе.

На стоянке в мезолитических слоях было найдено множество каменных орудий — микропластинки, ножевидные пластинки, скребки, нуклеусы, отщепы — кости животных и др. Самую ценную находку 1971 г. представляют галечные орудия в виде чопперов и чоппингов. Они известны нам по материалам эпохи верхнего палеолита и мезолита Средней Азии и Древнего Востока. Кроме того, впервые для мезолита Средней Азии были найдены наконечники стрел. Как известно, в эпоху мезолита были изобретены лук и стрелы; Ф. Энгельс считал это своего рода революцией в жизни первобытных людей.

Найденный наконечник стрелы имеет треугольную форму, двусторонне обработан. Кроме того, обнаружено костяное шило, являющееся первым для стоянки Обишир V.

Культурный слой залегает до глубины 6 м 40 см. Ниже 4 м каменные орудия встречаются реже, хотя выше они находятся в огромном количестве.

Подводя итоги исследованию пещерной стоянки Обишир V, необходимо еще раз подчеркнуть, что она является сложным комплексным археологическим памятником, изучение которого позволило нам выявить здесь три культурных наслоения, начиная с мезолита и кончая античной эпохой. Мезолитическая эпоха в Средней Азии совпадает с окончательным отступлением ледника и установлением современной геологической эпохи. Но климат Средней Азии все еще продолжал оставаться влажным и холодным. В этот период крупные сдвиги произошли в жизни мезолитического человека, совершенствуются способы охоты на животных, на что указывает наличие наконечника стрелы. Исследование стоянки, занимающей площадь свыше 120 м², показывает, что люди пользовались гротом очень долго, что подтверждается и мощным культурным слоем.

Кроме того, в этом сезоне продолжались раскопки пещеры Мачай (рис. 9).

Г. Ф. Коробкова, В. Т. Воловик

ГАДЫМИ-ДЕПЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК ДЖЕЙТУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Летом 1971 г. в 7 км к югу от пос. Чаача Каахкинского района Марыйской области начальником геологической партии из Ашхабада В. Т. Воловиком были подобраны отдельные разрозненные кремневые изделия. Специальное обследование этого местонахождения Алтыновским отрядом Каракумской экспедиции показало, что находки были сосредоточены на поверхности искусственного холма — депе и наиболее сконцентрированы на склонах последнего. Тщательные сборы подъемного материала и рекогносцировочная шурфовка депе, в результате которой обнаружены кремневые изделия и обломки керамики, аналогичные подъемным материалам, показали, что перед нами новый памятник джейтунской культуры. Само поселение представляет собой холм (высотой до 3 м), незаметно возвышающийся над поверхностью II надпойменной террасы правого берега р. Чаачи. Он вытянут с севера на юг на 110 м, с запада на восток на 45—65 м. Шурфовкой на глубине 1 м 20 см от поверхности был вскрыт угол глинобитного жилого дома, пол которого покрыт толстой беловатой известковистой обмазкой. Такой прием отделки полов характерен для жилых комплексов джейтунской культуры.

Собранная с поверхности холма и из шурфа керамика не дала ни одного фрагмента с росписью. Однако поверхность ее окрашена красноватой охрой, что также характерно для керамики джейтунской культуры.

Наиболее массовым материалом на Гадыми-Депе является кремневый инвентарь, насчитывающий около 600 изделий (рис. 10). Все предметы были просмотрены Г. Ф. Коробковой под бинокулярным микроскопом. Следует отметить, что изделия с признаками сработанности составляют большую часть данного комплекса. Нуклеусы и отбросы производства незначительны.

Сырьем для орудий служили характерный для джейтунской культуры полупрозрачный кремнь медового цвета и в меньшей степени халцедон. Значительная часть изделий дошла до нас во фрагментарном состоянии, что существенно затрудняет типологическую характеристику. Основными заготовками орудий были пластины средних размеров, с изогнутым профилем, нередко ретушированные по продольным краям. Имеются пластины со скошенным верхним концом и режме экзemplяры удлиненных пропорций. Заметную серию образуют микропластинки правильной призматической формы, зачастую оформленные по одному продольному краю затупливающей мелкой ретушью, нанесенной в основном со стороны спинки. Наличие в индустрии Гадыми-Депе подобных микропластин сближает этот памятник с такими поселениями, как Чопан-Депе (Коробкова, 1969, стр. 34) и Песседжик-Депе (Коробкова, 1970, стр. 154). В значительно меньшей степени на Гадыми-Депе используются в качестве заготовок отщепы. Даже для весьма миниатюрных микроскребок (около 0.5 см) применяются мелкие обломочки пластин и микропластин или их сечений. Широко практикуется прием использования старых изношенных орудий, переделанных в новые. Особенно это относится к боковым скребкам, изготовленным на изношенных вкладышах серпов.

Наиболее распространенными орудиями являются скребки (боковые, микроскребки, в том числе микроскребки миндалевидной формы, округлые скребки на отщепах) и вкладыши серпов, среди которых единично встречаются экзemplяры с зубчатым лезвием и образцы со скошенным верхним краем; заготовки их имеют правильную призматическую форму. Найдены также ножи, симметричные и асимметричные высокие трапеции небольших размеров, порой укороченных пропорций, единичные скобели и сверла. Коллекцию Гадыми-Депе дополняют находки двух подвесок из раковин *Didacna* с просверленным у края отверстием и костяной бусины, изготовленной из поперечного отрезка трубчатой кости.

Инвентарь Гадыми-Депе, остатки жилого строения, вскрытого шурфом, характер керамики свидетельствуют о принадлежности этого поселения к памятникам джейтунской культуры. Отсутствие в коллекции расписной керамики делает кремневый материал единственным датировующим фактором для определения положения памятника в пределах джейтунской культуры. Характер заготовок орудий, техника оформления пластин, единичные находки вкладышей серпов с зубчатым лезвием, миниатюрные размеры трапеций и отсутствие каких-либо других геометрических микролитов свидетельствуют об отнесении Гадыми-Депе к среднему периоду джейтунской культуры (Коробкова, 1969, стр. 58, 59). Новый памятник особенно интересен с точки зрения его расположения. Это пока единственный памятник джейтунской культуры, находящийся в горной зоне у самого подножия Копетдага. Видимо, особые экологические условия наложили свой отпечаток на хозяйство его обитателей, в котором (исходя из предварительного подсчета всех орудий) значительное место принадлежало скотоводству и в меньшей степени охоте. Земледелие играло существенную, но, по-видимому, не главную роль. Дальнейшее изучение этого интересного памятника безусловно обогатит наше представление о джейтунской культуре и, возможно, прольет свет на проблему локальных различий в экономике оставивших эту культуру древних племен.

ЛИТЕРАТУРА

- Коробкова Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 159.
Коробкова Г. Ф. 1970. Каменная индустрия Песседжик-Депе и ее среднеазиатские параллели. ККД, в. III, Ашхабад.

КЫЗЫЛКУМСКИЕ ЮВЕЛИРЫ

Среди археологических памятников внутренних Кызылкумов особое место занимают остатки ювелирных мастерских. Впервые следы производств украшений из бирюзы и других пород камня обнаружены в Кызылкумах в 1955 г. на стоянке Бешбулак (Вактурская, 1959, стр. 41—43). В 1971 г. район Бешбулакской котловины был детально обследован Кызылкумским отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Многочисленные следы ювелирных мастерских исследованы на стоянке Бешбулак I. Название условное — по существу это остатки нескольких разрушенных стоянок. Полоса находок, разделенных иногда запесоченными участками, тянется на 1800 м по берегу небольшой котловины, вытянутой в широтном направлении вдоль северного края песков Джаманкум. Сборы 1955 г. производились в центральной и западной частях этой площади. Материал стоянки разновременный. На разных участках вперемешку и предположительно «чистыми» скоплениями найдены материалы эпох неолита (главным образом позднего), энеолита, ранней бронзы, бронзы степного типа. Встречена небольшая примесь невыразительной керамики предположительно еще более позднего времени.

Наряду с медеплавильными комплексами наиболее выразительными среди находок являются остатки ювелирных производств. Остатки мастерских найдены на участках 7—9, 12, 14, 21 и др. В ряде случаев находки, связанные с производством украшений, концентрировались на отдельных небольших площадках. Материалом для изготовления бус и подвесок служила главным образом бирюза, которую получали с многочисленных местонахождений этого минерала в горах Букантау (Виноградов, Лопатин, Мамедов, 1965). Широко применялся также мраморный оникс, желтоватая или коричневатая тонкополосчатая порода, встречающаяся в виде натечных образований в карстовых пещерах и трещинах (определение породы по шлифам произведено З. С. Султановым, кафедра общей геологии Ташкентского университета). Хотя месторождения мраморного оникса на территории Кызылкумов ранее не были известны (Николаев, 1967, стр. 52, 79—80), местное происхождение материала со стоянки Бешбулак I не вызывает сомнений.

Среди бракованных и незаконченных обработкой изделий преобладают бусы дисковидной, конической и бочонковидной формы с двусторонним сверлением. Изредка встречаются обломки плоских подвесок, видимо, овальной формы со сверлением у края (рис. 11, 1—16). О масштабах производств можно судить по следующим цифрам: на участке 7 найдено более 300 мелких обломков бирюзы (в том числе около 20 бракованных и незаконченных изделий) и более 20 обломков мраморного оникса (в том числе заготовки для бус); на участке 8 найдено 78 обломков бирюзы и около 10 — оникса; на участке 21 — несколько сот мелких обломков оникса, в том числе несколько десятков бракованных и незаконченных изделий. Несколько тысяч обломков выцветшей бирюзы было собрано на стоянке Бешбулак I в 1955 г.

С производством бус в Кызылкумах обычно связан определенный тип кремневых изделий — плечиковые микросверла (Виноградов, Лопатин, Мамедов, 1965, стр. 129—130), изделия порой крайне миниатюрных размеров, изготавливавшиеся на мелких отщепках или микропластинах (рис. 12). Плечиковые сверла найдены на всех участках стоянки, давших бирюзу или мраморный оникс. Особенно много их на участках 7 (124 экз.), 8 (158 экз.), 12 (126 экз.). Как показывают наблюдения над

бракованными изделиями, сверлению предшествовали два этапа обработки заготовки: обтеска ее мелкими сколами и грубая зашлифовка, особенно торцовых поверхностей, подготовлявшихся для сверления. Большая часть брака связана с процессом сверления.

Плохая сохранность стоянки Бешбулак I не позволяет выяснить многие обстоятельства древнего производства украшений; несколько лучше это можно сделать на Лявлякане (Внутренние Кызылкумы), где в 1965—1966 гг. в числе прочих первобытных памятников найден комплекс ювелирных производств. Здесь в основном использовалась бирюза, изредка встречаются мраморный оникс и другие породы (Виноградов, Мамедов, 1969, стр. 41). Специальными исследованиями установлено, что бирюза одной из лявляканских стоянок происходит с таскаганской группы месторождений в горах Тамдытау (Пругер, 1971, стр. 12).

В настоящее время представляется возможным ориентировочно наметить хронологические границы существования ювелирных мастерских. Установлено, что обитатели стоянок степной бронзы, по крайней мере в Кызылкумах, не носили украшений из бирюзы. Нет сколько-нибудь достоверных бирюзовых находок и в комплексах ранней бронзы, выделенных сначала в Лявлякане, а затем и на Бешбулаке (стоянка Бешбулак 3). Правда, примерно в это время (конец III—начало II тыс. до н. э.) бусы из бирюзы широко распространены в низовьях Зсравшана, в заман-бабинской культуре, однако ассортимент форм заман-бабинских бус значительно шире и они не имеют отношения к описываемым мастерским (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, стр. 153—157). С другой стороны, ювелирные комплексы Лявлякана сопровождаются преимущественно поздненеолитическими находками. Видимо, не будет большой ошибкой датировать эти комплексы IV—III тыс. до н. э., причем более вероятной представляется датировка их в основном III тыс. до н. э.

Лявляканский материал позволяет выделить два типа мастерских. Первый тип — мастерские на площади стоянок. Прослежено, что все сколько-нибудь значительные материалы, связанные с производством украшений, в отличие от находок других категорий концентрировались в пределах стоянок на отдельных небольших участках. Уже это обстоятельство позволяет предполагать, что производство украшений из бирюзы и мраморного оникса не было делом каждого члена коллектива или каждой семьи, а сосредоточивалось в руках мастеров. Второй тип — мастерские, вынесенные за пределы стоянок и расположенные, видимо, недалеко от них. Здесь почти не встречаются керамика и бытовые кремневые находки. Трудно сказать сейчас, имеются ли какие-либо хронологические различия между мастерскими первого и второго типов; вероятнее всего предположить их сосуществование на каком-то определенном этапе. И в первом, и во втором случае мы сталкиваемся уже с далеко зашедшим процессом, начальные этапы которого представлены материалами Джейтуна. В Джейтуне, для которого характерна децентрализация производств в пределах поселка, отмечено, что полные комплексы ювелирных орудий встречаются уже не в каждом доме (Массон, 1971, стр. 107). Кызылкумские мастерские являют собой, видимо, тип так называемого общинного, или первобытного, ремесла, сезонного по характеру, для которого уже типично выделение мастеров, все еще занятых, однако, большую часть времени обычными общинными работами (Бочкоров, Распопова, 1971).

Можно предполагать, что интересные результаты будут получены в процессе технологического, в частности трассологического, исследования материала мастерских.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В. С., В. И. Распопова. 1971. Дискуссия о характере ремесленного производства. СА, № 4.
- Вактурская Н. Н. 1959. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. МХЭ, в. 1.
- Виноградов А. В., С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. 1965. Кызылкумская бирюза. СЭ, № 2.
- Виноградов А. В., Э. Д. Мамедов. 1969. Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах. ИМКУ, в. 2, Ташкент.
- Гулямов Я. Г., У. Исламов, А. Аскарлов. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.
- Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики). МИА, № 180.
- Николаев Н. Л. 1967. Декоративные камни Узбекистана. Ташкент.
- Пругер Е. Б. 1971. К истории горного дела в Средней Азии. (Археолого-методическое исследование по былой разработке полезных ископаемых на примере бирюзы). Автореф. канд. дисс. Ташкент.

Л. А. Чалая

СТОЯНКА БЕШБУЛАК 15 (Внутренние Кызылкумы)

В 1971 г. Кызылкумским отрядом Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР проведены исследования во Внутренних Кызылкумах в районе родника Бешбулак (Виноградов, Мамедов, Оленич, Чалая, 1972). Одной из самых крупных среди изученных здесь стоянок открытого типа была стоянка Бешбулак 15. Материал залегал на западном склоне песчаного бугра, на площади 120×30 м. Первоначально стоянка располагалась скорее всего на плоской вершине этого бугра. Находки были равномерно распределены по всей площади, никаких скоплений или пятен выявить не удалось. Всего здесь обнаружено 8142 экз. каменного инвентаря. Сырьем служил в основном белый и желтовато-белый кремний. Единично встречаются изделия из коричневого и темно-серого мелкозернистого песчаника.

Нуклеусы (70 экз.), предназначенные для снятия пожевидных пластин, представлены рядом типов: клиновидные уплощенные — 16 экз.; уплощенные «торцового» типа — 6; призматические — 13; конические — 13; неправильно призматические — 2; неопределенного типа — 15 экз. Все они с односторонним ограничением и одноплощадочные, за исключением 1 экз., имеющего две ударные площадки; 4 экз. нуклеусов кубовидной формы предназначены для снятия пластинчатых отщепов.

Отщепы (4855 экз.) обнаружены средних и мелких размеров (чешуек практически нет). В considerable количестве найдены отщепы с белой известковистой коркой, что свидетельствует об обработке нуклеусов где-то на стороне. Ножевидные пластины (1754 экз.), как правило, мелкие, представлены в основном сечениями. Многие из пластин имеют многогранные спинки. Несмотря на преобладающее количество отщепов, почти все орудия комплекса изготовлены из пластин, а потому индустрию стоянки можно характеризовать как пластинчатую (рис. 13, 2). Перечислим находки: скребки на отщепах — 95 экз.; скребки концевые — 86; пластины с притупленным краем — 13; пластины с притупленным краем и со скошенным концом — 7; пластины с притупленным краем и с обоими прямо срезанными концами — 2; пластины с притупленным краем и одним прямо срезанным концом — 18; пластины с притупленным краем специфической формы — 16; пластины со скошенным концом — 4; трапеции «рогатые» — 3; трапеции симметричные — 4;

треугольник асимметричный — 1; плечиковые сверла — 96; острия — 10; проколки с треугольным коротким концом — 6; проколки атипичные — 4; пластины с выемкой — 3; пластины с мелкими выемками — 46; пластины с нечеткими выемками — 21; резцы на пластине углового типа — 1; резцы на пластине среднего типа — 1; микрорезцы на пластинах — 9; пластины ретушированные — 78; отщепы ретушированные — 12; наконечники стрел кельтеминарского типа и заготовки — 4; наконечники стрел, заготовки и обломки с частичной обработкой — 4 экз.

Наиболее массовыми орудиями являются сверла (рис. 13, 10—16), а среди них плечиковые (рис. 13, 10—12). Последние чаще всего изготовлены из коротких сечений пластин, рабочий конец которых обработан отвесной ретушью со спинки. Такие сверла служили для изготовления бус. Концевые скребки сделаны на широких пластинах и, как правило, имеют скошенный рабочий край (рис. 13, 17—20). Сребки на отщепе имеют обычно округлую или овальную форму; встречаются также скребки веерообразного и подчетыреугольного типов (рис. 13, 21—23).

Следует обратить внимание на присутствие в данном инвентаре трапеций, в том числе «рогатых» (рис. 13, 24—26), что позволяет сопоставлять нашу стоянку со стоянкой с раннеолитическими комплексами дарьясайского типа (Виноградов, 1972). Все трапеции симметричной формы (длина нижнего основания 1,8 см, высота 1 см). У 3 экз. на верхнем основании сделаны выемки ретушью с брюшка, как в казахстанских вариантах «рогатых» трапеций (Чалая, 1970, стр. 319, рис. 1, б, 29). Единственный экземпляр треугольника сделан со спинки крутой ретушью, аналогичной ретуши на сверлах (рис. 13, 27). Длинный конец треугольника, возможно, использовался в качестве сверла, о чем свидетельствуют следы подправки с брюшка.

Наряду с трапециями встречаются и наконечники стрел кельтеминарского типа ранних пропорций (длина пера 0,4 см, черешка 3,2 см; рис. 13, 28). Найдены и наконечники с частичной обработкой (одна поверхность полностью покрыта фасетками, другая — по краю). Такие наконечники наиболее типичны для казахстанских материалов. Таким образом, мы здесь наблюдаем период сосуществования трапеций и наконечников стрел. И те и другие изделия изготовлены из одного сырья и в одной технической манере.

Несомненно, что не весь обнаруженный на стоянке материал хронологически един. Так, выпадают из комплекса двусторонне обработанные наконечники стрел вытянутых пропорций с пильчатыми краями, изготовленные из коричневого и темно-серого кварцита. Эти изделия, видимо, могут быть сопоставлены с обломками тонкостенной керамики без заметных примесей в тесте, орнаментированной насечками, прочерчиванием и оттисками зубчатого штампа. Они относятся к позднему неолиту—энеолиту. Обломков сосудов, предположительно составляющих комплекс с основным инвентарем, немного. Один из них представлен частью венчика. Верхний его край сильно отогнут, чем он несколько напоминает керамику стоянок Дарбазакыр I и II (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966) и, возможно, Учащи 3 (материал не опубликован, хранится в фондах Института этнографии АН СССР). По обе стороны венчика снаружи и изнутри идут узенькие полоски насечек.

Материалы стоянки Бешбулак 15 очень интересны по составу. Наличие геометрических микролитов позволяет отнести ее к числу комплексов дарьясайского типа и тем самым расширить зону распространения последних в пределах Кызылкумов. Вместе с тем эти материалы существенно отличаются наличием наконечников стрел, в частности наконечников кельтеминарского типа, от дарьясайских комплексов типа Уча-

щи 3 и относятся, видимо, к несколько более позднему времени. Возможно, что стоянка Бешбулак 15 относится к времени, переходному от периода бытования трапещий к периоду широкого распространения наконечников стрел кельтеминарского типа.

Такова предварительная характеристика стоянки Бешбулак 15. Дальнейшее исследование материалов этой стоянки и других стоянок Бешбулака позволит определить их место среди других неолитических памятников и восстановить картину древнейшей истории данного района.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов А. В., Э. А. Мамедов, С. А. Оленич, Л. А. Чалая. 1972. Комплексные археолого-географические исследования в Центральных Кызылкумах. АО 1971 г. М.
- Виноградов А. В. 1972. О распространении раннеолитических комплексов дарьясайского типа. В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, в. 1. Л.
- Гулямов Я. Г., У. Исламов, А. Аскарров. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.
- Чалая Л. А. 1970. О типах неолитических стоянок Казахстана. Сб. научн. работ аспирантов ист. фак. М.
-

III. ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБЕНИЙ И МОГИЛЬНИКОВ

29—31 марта 1971 г. в Ленинграде проходила работа симпозиума Сектора Средней Азии и Кавказа и теоретического семинара Ленинградского отделения Института археологии АН СССР на тему «Реконструкция общественных отношений по данным погребений и могильников». Центральный вопрос семинара — выработка методики социологических реконструкций на основе массового археологического материала и обобщение имеющегося в этом отношении опыта. С докладом «Погребальный обряд и вопросы социологических реконструкций» выступил В. М. Массон. Были заслушаны доклады об использовании данных этнографии (В. Р. Кабо), антропологии (В. М. Алексеев), о погребениях как объекте формального анализа (Н. Б. Леонова, Ю. А. Смирнов). Значительное число докладов и сообщений было посвящено сибирским материалам (М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков, Л. А. Иванова, Г. Н. Грачева). В докладе А. Д. Грача рассматривались курганы скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии, в сообщении Ю. А. Березкина — имущественная дифференциация в могильниках Перу. Обсуждалась также вопросы изучения погребений римского времени в Восточной и Центральной Европе (М. А. Тиханова) и структуры скандинавского общества эпохи викингов по данным погребального обряда.

СОВЕЩАНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

22—24 марта 1972 г. проходила работа симпозиума теоретического семинара и Сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященного теме «Обмен и торговля в древних обществах». На симпозиуме было прочитано 12 докладов, по которым развернулась оживленная дискуссия.¹

В. Р. Кабо в докладе на тему «Обмен и его социальная роль в первобытном обществе» показал, что роль, которую играет обмен в первобытном обществе, отличает его от товарообмена в обществе, основанном на частной собственности, поэтому специфические свойства первобытного обмена требуют и особых приемов исследования. Первобытный обмен является выражением внутриазиатских и межэтнических социальных и культурных связей. Вопросам обмена в неолитическую эпоху был посвящен доклад Н. Н. Гуриной, построенный на материалах Северной и Восточной Европы. Л. П. Хлобыстин в докладе «Обмен в эпоху неолита и бронзы» на материалах Сибири охарактеризовал процесс обмена для различных этапов общественного развития. В докладе «Изучение обмена и торговли первобытной эпохи» В. М. Массон рассмотрел методику исследования процесса обмена и его различный характер в первобытном и раннеклассовом обществах. Особое значение придавалось выделению первобытных дел, имеющих специфические функции.

Вопросам обмена и торговли Закавказья в древности был посвящен доклад К. Х. Кушнаревой. Очень интересными были доклад Н. Б. Янковской «Обмен и торговля в странах Передней Азии по клинописным источникам (III—I тыс. до н. э.)», выступление Б. Б. Пиотровского, также посвященное среднеазиатскому обмену и торговле. М. А. Тиханова выступила с докладом «К вопросу об обмене и торговле в черняховской культуре». В докладах П. Г. Шурган и И. Б. Брашневского рассматривалась торговля стран Северного Причерноморья в античную эпоху, в докладе Р. М. Джапполадян — вопросы торговли средневековой Армении. По среднеазиатской тематике были заслушаны два доклада. В докладе «Обмен и торговля в древней Средней Азии по ре-

¹ Тезисы докладов опубликованы (см.: Обмен и торговля в древних обществах. Кратк. тез. к симпозиуму теорет. семинара и Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 22—24 марта 1972 г. Л., 1972). Доклад О. В. Овсянникова, тезисы которого опубликованы в указанном издании, на симпозиуме не был прочитан.

зультатам археолого-химического изучения металлических изделий» Ю. А. Заднепровский и И. В. Богданова-Березовская отметили, что предварительными условиями изучения вопросов обмена являются выявление основных центров производства меди и бронзы на территории Средней Азии и установление хронологических и территориальных особенностей развития и изменения ассортимента изделий с учетом их химического состава. Докладчики остановились на вопросе выявления импортных вещей и показали, что в Южной Туркмении эпохи энеолита и бронзы прослеживаются связи с южными соседями, главным образом с Ираном, откуда импортировалось сырье для местного производства. В эпоху бронзы значительно расширяются в Средней Азии зоны распространения металлических изделий. В эпоху развитой и поздней бронзы на территории Средней Азии складывается несколько самостоятельных центров производства.

В. П. Распопова выступила с докладом «Археологические данные о согдийской торговле». Важная роль согдийцев в международную торговлю с первых веков нашей эры до времени арабского завоевания ярко освещена письменными источниками. Они характеризуют согдийцев как посредников в торговле шелком между Китаем и Византией. Археологические материалы показывают, что среднеазиатские купцы продавали народам Приуралья также серебряные сосуды, как привезенные из Ирана и Византии, так и собственного производства. В торговле шелком согдийцы играли роль не только посредников. Удельный вес согдийских тканей в мировой торговле шелком был довольно высок. Расцвет согдийской торговли и возникновение ее северных путей связаны со сложением в степях тюркских каганатов. На путях караванской торговли возникали согдийские колонии. Доходы от внешней торговли частично шли в метрополию. Пенджикентские материалы VII—VIII вв. рассказывают об оживленной розничной торговле в городе, которая велась внутри городских стен на базарных улицах. Однако, как об этом свидетельствуют данные нумизматики, в это время еще не существовало единого общесогдийского рынка.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

6 мая 1971 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина состоялась защита кандидатской диссертации Б. Д. Кочневым на тему «Мусалла Средней Азии и их место в исторической топографии феодального города». Член-корреспондент АН УССР доктор искусствоведения Г. А. Пугаченкова, являвшаяся первым официальным оппонентом, подчеркнула, что проблема типологии зданий монументальной архитектуры средневековья и их места в композиционной структуре населенного пункта, отражающего определенную социальную структуру, имеет немаловажное значение для истории архитектуры Средней Азии и социально-идеологических явлений в жизни феодального города. Г. А. Пугаченкова считает, что в диссертации следовало бы остановиться на связи форм празднования курбана и фитра с древними домусульманскими культовыми представлениями. Оппонент возразила Б. Д. Кочневу в вопросе о назначении здания Гаухар-шад в Герате. Диссертант высказал предположение о том, что Гаухар-шад — вторая соборная мечеть города. Г. А. Пугаченкова по историко-топографическим признакам предполагает, что это здание могло быть мусалла и лишь позднее намазгох мог быть перемещен в связи с ростом города в северном направлении. Г. А. Пугаченкова отметила также недостаточное количество историко-топографических схем. Второй официальный оппонент, — кандидат исторических наук Л. И. Альбаум — считает, что в диссертации недостаточно мотивировано, почему мусалла строилась то внутри города, то за его пределами, и высказывает пожелание, что лучше было бы пользоваться термином «намазгох» вместо «мусалла».

20 октября 1971 г. на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР состоялась защита диссертации В. П. Распоповой на тему «Металлообрабатывающее ремесло ранне-средневекового Согда (опыт историко-социальной интерпретации по материалам Пенджикента)», представленной на обсуждение ученой сессией кандидата исторических наук (руководитель — А. М. Беленицкий). Работа базируется на материалах, полученных при раскопках городища древнего Пенджикента. В первой части подробно описаны 29 мастерских: железоплавильни, кузницы, мастерские ювелиров и медников. Выделена группа мастерских, функционировавших одновременно в первой четверти VIII в. и погибших в результате пожара. Это позволило поставить вопрос о месте ремесленных мастерских в топографии ранне-средневекового города. Во второй части рассмотрены орудия труда, вооружение и снаряжение воинов, украшения и другие металлические изделия. Анализ изделий позволил проследить культурные связи Согда с соседними народами и выявить местные особенности. В диссертации впервые в археологии Средней Азии на примере металлообрабатывающего производства исследуется вопрос о роли ремесла в экономической и социальной структуре среднеазиатского города эпохи раннего средневековья. Официаль-

ные оппоненты — доктор исторических наук профессор Л. Р. Кызласов и кандидат исторических наук Н. Г. Горбунова — дали высокую оценку работе; их замечания относились к частным вопросам. Выступивший в ходе защиты кандидат исторических наук О. Г. Большаков остановился на вопросе соответствия реалий в живописи вещам, найденным при раскопках.

2 декабря 1971 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Е. Б. Пругер. Тема его работы «К истории горного дела в Средней Азии (археолого-методическое исследование по былой разработке полезных ископаемых на примере бирюзы)». Защита проходила на заседании Ученого совета исторического факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Официальными оппонентами выступили доктор геолого-минералогических наук профессор О. И. Исламов и кандидат исторических наук О. В. Обельченко. Внешний отзыв получен от Института истории АН УзССР. Основные возражения оппонентов вызвала данная диссертантом периодизация истории изучения бирюзы в Средней Азии, которая несколько оторвана от общей периодизации истории.

6 декабря 1971 г. на заседании Ученого совета секции археологии и этнографии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук О. Оразовым на тему «Серахский оазис в древности и средневековье (историко-археологический очерк)» (руководитель — В. М. Массон). Официальные оппоненты — профессор кафедры археологии МГУ доктор исторических наук Г. А. Федоров-Давыдов и кандидат исторических наук Б. Я. Ставский — дали высокую оценку работе диссертанта. Было отмечено, что работа представляет собой серьезное исследование, написанное на основании анализа археологических материалов, в значительной степени добытых в ходе полевых изысканий диссертанта, с привлечением разновременных и разноязычных письменных источников.

В работе автора на основе сплошного картографирования и предварительного изучения всех имеющихся поселений выявлен характер заселения территории оазиса от первобытнообщинного строя до позднего средневековья. Особое место отводится раскопкам центра оазиса — городища Старого Серакса — и выявлению общей исторической картины приращивающей системы оазиса. Завершением всего является написание очерков истории Серахского оазиса. Вместе с тем оппоненты указали на некоторые недочеты и спорные положения диссертации.

1. В диссертации автор недостаточно использует нумизматический материал, который мог бы дополнить и уточнить данные археологии и письменных источников. Автор объяснил это упущение плохой сохранностью большей части монетных находок, состоящих исключительно из медных кружков.

2. Диссертант пишет о переносе в раннем средневековье экономической и социальной жизни из города в деревню, что не подтверждается фактическим уменьшением количества античных городов в раннем средневековье. Отвечая оппонентам, диссертант объяснил, что такой вывод был сделан им в связи с резким увеличением в сасанидское время числа поселений и отсутствием среди них городов. Единственным городом в это время, как и в предыдущий период, оставался Старый Серакс.

В ноябре 1971 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Московского университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации аспирантки МГУ (руководитель — профессор Л. Р. Кызласов) Л. А. Чалой по теме «Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Диссертация представляет собой очерк по истории неолитических племен Северного и Северо-Восточного Казахстана, написанный по материалам, полученным автором в результате раскопок 4 неолитических поселений. Работа отличается полнотой использования как литературы, так и археологических материалов. Официальные оппоненты — доктор исторических наук С. С. Черников и кандидат исторических наук А. В. Вишegradов — отметили, что выводы диссертации представляются вполне обоснованными и убедительными и дали работе Л. А. Чалой высокую оценку. Их замечания сводились к частным вопросам.

19 января 1972 г. на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР состоялась защита В. Н. Пилипко кандидатской диссертации на тему «Поселения Северной Парфии» (руководитель — В. М. Массон). Работа посвящена характеристике поселений Северной Парфии, первоначального ядра крупнейшего политического образования древности — Парфянского государства. В ней содержится наиболее полная сводка парфянских поселений и предлагается их типологическая классификация. В диссертации приводятся результаты многолетних раскопок парфянских сельских поселений и подробно исследуются новые комплексы археологических находок (строительные материалы, орудия труда, монетные находки, керамика и пр.). Построенная на большом фактическом материале диссертация дает реальное основа-

ние для реконструкции аграрных отношений в коренных областях парфянской державы, а также для изучения быта и хозяйственных занятий древних общинников — одной из основных групп производительного населения Парфии. В своих выступлениях официальные оппоненты — академик Б. Б. Пиотровский и кандидат исторических наук Т. И. Зеймаль — дали положительную оценку работе, но был сделан также ряд замечаний. Б. Б. Пиотровский, в частности, подчеркнул гипотетичность некоторых выводов, касающихся социального положения обитателей исследуемых поселений. Т. И. Зеймаль обратила внимание на некоторые слабые стороны предложенной классификации поселений и высказала пожелание относительно более подробного описания новых комплексов парфянской керамики с поселения Гатры-Кяриза.

17 марта 1972 г. на заседании Ученого совета Института истории и археологии АН Таджикской ССР была защищена кандидатская диссертация А. Исаковым на тему «Цитадель древнего Пенджикента» (руководитель — А. М. Белешский). Автором диссертации проделана большая работа, обобщен большой фактический материал, который представляет научную ценность для всех, кто интересуется крепостными сооружениями, историей фортификации, историей строительного зодчества Средней Азии.

В выступлениях оппонентов — доктора исторических наук Н. Н. Негматова, кандидата исторических наук А. Д. Бабаева — подчеркнут интерес к изучению Пенджикента, ибо в силу ряда социально-экономических причин Пенджикент являлся в прошлом своеобразным пунктом, в котором сплелись судьбы племен и народов древнего Согда.

В работе А. Исакова дано разностороннее исследование цитадели древнего Пенджикента, разработаны и классифицированы вещественные находки, выявлены строительные периоды и шесть этапов жизни в цитадели, причем каждый выделен четко и обоснованно, датирован находками, в том числе монетными. Сомнение вызвал вопрос, не слишком ли раздроблены периоды строительства южной стены внутреннего дворца цитадели. Кроме того, автору необходимо упростить обозначения объектов. Выступивший в прениях В. М. Массон подчеркнул большое значение Пенджикента как узлового объекта, изучение которого необходимо всячески расширить.

17 марта 1972 г. на заседании Ученого совета Института истории и археологии АН Таджикской ССР была защищена кандидатская диссертация Е. Д. Салтонской на тему «Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье» (руководитель — Н. Н. Негматов). В диссертации автор дает характеристику культур эпох древности и раннего средневековья, устанавливает для указанного района Северного Таджикистана относительную и абсолютную хронологию культур. В выступлениях оппонентов — доктора исторических наук В. М. Массона, кандидата исторических наук А. Д. Джалилова — единогласно было отмечено, что поставленные автором проблемы очень ценны для хронологии и периодизации материальной культуры Северо-Западной Ферганы. Два памятника, тщательно раскопанные диссертантом и детально им описанные, являются надежной фактологической базой исторических реконструкций. Следует подчеркнуть, что по своей значимости это в настоящее время наиболее детальная стратиграфическая колонка для всей долины в целом. Существенных возражений по работе не было. Возражения были высказаны лишь относительно заголовка диссертации и распределения материала по главам. В. М. Массон подчеркнул важность выделения комплексов поселения Тудан-Хурд, являющихся опорными для Ферганы, и поставил вопрос о наличии сырдарьинской культурно-хозяйственной зоны, протянувшейся от Арала до Ферганы и противостоящей по ряду признаков городским цивилизациям Согда, Бактрии, Маргианы и Хорезма (большой процент лепной керамики, слабое развитие денежного обращения). Выступивший в прениях В. А. Раиов также отметил, что работа является важным вкладом в изучение северо-западного района Ферганы.

НАУЧНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В 1971 г.

Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР

- 15 января. В. М. Массон. Отчет о работе Карякумской экспедиции в 1970 г.; А. Я. Щетенко. Отчет о раскопках Намазга-Депе и Теккем-Депе в 1970 г.
22 января. И. М. Дьяконов. История появления индоиранских языков в Средней Азии и Иране.
5 февраля. С. С. Черников. Ранние кочевники Восточного Казахстана.
19 февраля. В. М. Массон. Первые земледельцы Месопотамии. (К проблемам происхождения земледелия); обсуждение диссертации В. Ю. Лещенко (Гос. Эрмитаж) «Восточныеклады на Урале в VII—VIII вв.»
26 февраля. И. С. Масимов. Керамические печи поселения Улуг-Депе эпохи бронзы; С. А. Беляев. Раскопки в Ай-Хауум.

- 4 марта. В. Н. Пилипко. Античные и раннесредневековые терракоты Средней Амударьи.
- 12 марта. А. Я. Щегенко. Гандхарская культура эпохи бронзы и раннего железа.
- 19 марта. У. Исламов. Раскопки Мачайской пещеры (Сурхандарьинская обл.) в 1970 г.
- 28 апреля. Обсуждение диссертации А. Исакова (Душанбе) «Цитадель древнего Пенджикента».
- 21 мая. Обсуждение диссертации В. И. Распоповой «Металлообрабатывающее производство Пенджикента VII—VIII вв.».
- 4 октября. С. С. Кабанов. Новые работы на городище Афрасиаб и в Каршинском оазисе.
- 15 октября. С. С. Черников. Рецензия на проспект «История Казахской ССР», т. I.
- 29 октября. А. Я. Щегенко. Информация о раскопках на Теккем-Депе и Памазга-Депе в 1971 г.; Ю. А. Заднепровский. Информация о раскопках на Дальнерзвье в 1971 г.; обсуждение диссертации В. И. Пилипко «Поселения Северной Парфии: III в. до н. э.—III в. н. э.».
- 3 ноября. А. М. Беленицкий. Предварительный отчет о раскопках древнего Пенджикента в 1971 г.
- 19 ноября. Л. П. Хлопина. Керамика Намазга VI.
- 26 ноября. В. М. Массон. Работы Каракумской экспедиции в 1971 г.
- 3 декабря. С. Р. Рао (Индия). Раскопки Лотхала — хараппского города-порта.

**Отдел археологии Института истории, археологии и этнографии
Ч. Ч. Валиханова АН КазССР**

- 11 февраля. К. А. Акишев. Об историко-археологической проблематике в связи с раскопками Отрара.
- 18 марта. С. М. Ахшижанов, Л. Б. Ерзакович. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье.
- 16 июля. К. М. Байнаков. О локализации позднесредневековых городов Южного Казахстана.
- 23 сентября. М. К. Кадырбаев. Проблемная лаборатория археологической технологии (структура, задачи, перспективы).
- 14 октября. С. М. Ахшижанов. Кипчаки в IX—XIII вв.
- 12 ноября. Г. Б. Зданович. Типы керамики эпохи бронзы Северо-казахстанского Приишимья.
- 26 ноября. Л. А. Чалай. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана.

Сектор археологии Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР

- 26 января. В. А. Ранов. Раскопки Шугноу в 1970 г.
- 5 февраля. Е. А. Давидович. Клад монет IX—X вв. и некоторые вопросы истории Саманидов; Ю. Якубов. Рецензия на книгу иранского археолога А. Сарфарода «Тахте Салоймон».
- 12 февраля. Т. П. Кияткина. Краниологический материал эпохи бронзы из Южного Таджикистана.
- 19 февраля. Х. Мухитдинов. Терракоты Саксанохура кушанского времени.
- 5 марта. Б. А. Литвинский. Из истории стремия.
- 12 марта. Э. Гулямова и А. Абдуласв. О раскопках у села Саят Пархарского района.
- 19 марта. В. Жуков. Реферат по книге «Каменный век СССР»; В. Соловьев. Обзор новых советских статей по гандхарскому искусству.
- 26 марта. Е. А. Давидович. Саманидские монеты. (Основная характеристика); Е. Денисов. Два хорезмийских некрополя (реферат).
- 2 апреля. Б. А. Литвинский. Образ коня в древних среднеазиатских верованиях.
- 9 апреля. И. В. Пьянков. Географические представления античности о Средней Азии.
- 24 сентября. Обсуждение диссертации А. Исакова «Цитадель древнего Пенджикента».
- 19 ноября. М. А. Бубнова, Л. Т. Пьянкова. Отчет о работе Яванского археологического отряда; Б. А. Литвинский. Итоги археологических работ полевого сезона 1971 г. на городище Аджиша-Тепе; Е. А. Давидович. Сообщение о совещании по обсуждению проекта руководства по научной каталогизации нумизматических памятников.
- 3 декабря. Х. Мухитдинов. Стратиграфия терракот Саксанохура; М. А. Бубнова. Результаты работ Памирского археологического отряда в 1971 г.
- 14 декабря. В. Жуков. Паскальные изображения на р. Северная Ак-Джилга; В. А. Ранов. Новая литература по археологии Средней Азии и Афганистана.

Сектор археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР

- 7 апреля. Обсуждение кандидатской диссертации О. Оразова «Серахский оазис в древности и средневековье (историко-археологический очерк)».
- 26 апреля. Обсуждение рукописи сборника «Каракумские древности», в. IV; обсуждение брошюры В. И. Пилявского «Памятники Куны-Ургенча».

- 3 июля. Отчеты о работе археологических отрядов под руководством Е. Атагарреева, Х. Юсупова, Д. Дурдыева.

Кафедра археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета

- 5 февраля. Г. Я. Дресвянская. Терракотовые статуэтки с Афрасиаба.
22 февраля. С. Б. Лунина. Некоторые итоги археологического изучения средневекового Мерва; Н. И. Крашенинникова. Древний Китаб; Г. Я. Дресвянская. Стратиграфическое изучение Афрасиаба в пределах 1-й крепостной стены.
17 марта. Б. Я. Ставиский. Раскопки на Кара-Тепе.
5 апреля. Х. Гулямов. Разведочное обследование позднесредневековых крепостей долины Кашкадарьи и задачи исследования; Е. Б. Пругер. К методике изучения истории горного дела в Узбекистане.
5 мая. А. Сагдуллаев и В. Зотов. Всесоюзная археологическая студенческая конференция в Москве; Г. Я. Дресвянская. О новых поступлениях археологической литературы в фундаментальную библиотеку Ташкентского государственного университета.
10 мая. Ш. Пидаев. Раскопки жилого дома X в. на городище Афрасиаб; Д. Алимова. Разрез крепостной стены городища Капка; Ф. Хасанов. Керамика IX — начала XIII в. городища Капка (по материалам 1969—1970 гг.).
15 июня. Е. Б. Пругер. К истории горного дела Средней Азии (археолого-методическое исследование по бывшей разработке полечных ископаемых на примере бирюзы); обсуждение диссертации Е. Б. Пругера «К истории горного дела в Средней Азии».
21 июня. Д. Мирзаахмедов. Бухарский арк XIX—начала XX в. (по археологическим данным).
3 октября. Н. П. Столярова. Весенние работы 1971 г. на городище Алтын-Тепе Кашкадарьинской области; З. И. Усманова. О сборнике «Каркумские древности», в III.
17 октября. З. И. Усманова. К вопросу о возникновении первого городского поселения на территории Мерва.
12 ноября. С. Б. Лунина. Отчет о научной работе кафедры за 1971 г., Г. Я. Дресвянская. Отчет о работе проблемной лаборатории по Афрасиабу в 1971 г.
26 ноября. Е. Д. Салтовская. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье; обсуждение диссертации Е. Д. Салтовской; З. И. Усманова. Итоги осеннего полевого сезона работ в Старом Мерве.
15 декабря. С. Б. Лунина. К вопросу об изображении человека в средневековом искусстве Средней Азии (по материалам Мерва).
30 декабря. Обсуждение диссертации В. Н. Пилинко «Поселения Северной Парфии III в. до н. э.—III в. н. э.».

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ АФГАНИСТАНЕ В 1971 г.

Наиболее западная группа памятников эпохи бронзы в пределах Северного Афганистана пока известна лишь у с. Давлетабад (между городами Маймене и Андхой). Раскопки трех из них (Гирдай-Тепе, Тикар 1 и 2) показали, что это были древнеземледельческие поселения, хозяйство которых базировалось на водной системе р. Ширин-Тагао. Вся керамика (исключая кухонную) гончарная, хорошего качества, преимущественно светлоангобированная. Основные формы — вазы на высоких ножках, глубокие миски, чайники, хумы и хумчи с подкошенной придонной частью, в меньшей степени кубки со сливами. В верхних слоях имеется керамика с прочерченным волнистым орнаментом. В целом полученный керамический комплекс обнаруживает определенную связь с сицихотскими поселениями Северо-Восточного Ирана. Не исключено, что исследуемые памятники отражают процесс расселения восточнохорасанских племен в пределах Афганистана, дальнейшие следы которых прослеживаются на поселениях дашлинской группы памятников около г. Акчи. Видимо, давлетабадская группа является одним из промежуточных (но не основных) пунктов, т. е. при бесспорной генетической связи с дашлинскими поселениями именно последние демонстрируют дальнейшее и наиболее яркое развитие материальной культуры при переходе от эпохи поздней бронзы к раннему железу.

В Дашлинском оазисе были продолжены раскопки «круглого здания» на поселении Дашлы 3. Как оказалось, исследуемый комплекс представлял собой монументальное сооружение, окруженное стеной в виде неправильного многогранника общим диаметром свыше 100 м. Внутри располагаются различные помещения, часто с очагами. Выявлено свыше 50 впускных погребений, в инвентаре которых появляются сосуды типа «кахемшидских» банок с подкошенной придонной частью. Всего обнаружено 20 поселений эпохи бронзы, но наибольший расцвет оазиса падает на первую половину I тыс.

до и, э., когда возникает много новых поселений, в ряде случаев имеющих небольшой культурный слой, но тянущихся на многие сотни метров. Материальная культура их хотя и видоизменяется, но продолжает бесспорно местную линию развития эпохи бронзы. Наряду с железными изделиями все еще широко используется камень, особенно вкладыши и наконечники стрел. К этому же времени относится комплекс монументальных сооружений, включающий прямоугольное дворцовое здание с колоннами. Последние образуют крытые айвалы, окружающие залы.

Открытие доахеменидских памятников на коренных землях Бактрии уже само по себе представляет исключительный интерес. Устанавливается факт глубоко местной линии развития бактрийской культуры при резком различии планировочных принципов «круглого здания» и прямоугольного дворца с колонными залами. Это здание сближается с монументальной архитектурой Ирана и Месопотамии ассирийского времени, что намекает на вполне определенные события, когда Бактрия включается в политическую историю древневосточного мира.

О сложной исторической ситуации доахеменидской Бактрии свидетельствует факт одновременного существования другой культуры — с расписной керамикой, выявленной на Тилля-Тепе. Ядром этого поселения являлась 6-метровая кирпичная платформа, на которой располагалось здание местного правителя. Общая толщина слоев Тилля-Тепе 12 м, причем лепная расписная керамика начинается с самых ранних этапов существования памятника.

Новый оазис с аналогичными памятниками открыт между городами Мазари-Шериф и Танкурган, около с. Паибабад. Эта паибабадская группа памятников демонстрирует поздний этап существования расписной культуры. И именно она обнаруживает наиболее четкие параллели с комплексом Яз I Южного Туркменистана. Наряду с редкими железными изделиями здесь широко представлены крупные кремневые пластины. Точно такие же орудия обнаружены на многочисленных разветвленных стоянках среди песчаных барханов в непосредственной близости от паибабадских поселений. Таким образом, доахеменидская Бактрия характеризуется сосуществованием двух археологических культур, отражающих если не этнические, то этнографические отличия населения страны в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Одновременно в 1971 г. произведены раскопки кушанского города Дальверзин-Тепе, где была открыта стенная роспись преимущественно со светскими сюжетами. Особого внимания заслуживают раннекушанские фрески храма с изображениями двух обнаженных юношей, держащих под уздцы лошадей. Не исключено, что это Диоскуры, образы которых были наиболее близки вчерашним кочевникам-кушанам.

В. Н. Сарияниди.

ОТКРЫТИЕ КАБИНЕТА АРХЕОЛОГИИ В ЧИМКЕНТЕ

В Чимкентском педагогическом институте (ректор — доцент М. С. Сарсембаев) создан кабинет археологии. В его экспозиции представлены керамика и металлические изделия начиная с андроновской эпохи до развитого средневековья. Большое место занимают материалы с оседлых поселений I—VII вв. н. э. в долине Арыси, где производились раскопки во время археологической практики студентов исторического факультета (Караул-Тобе, Торткуль-Тобе и др.).

На кафедре активно работает археологический кружок, члены которого выступают с докладами на региональных и всесоюзных конференциях научных студенческих обществ, проводят работу по пропаганде археологии и краеведения в школах Чимкента. Кабинетом составляется подробная археологическая карта долины верхнего и среднего течения р. Арыси.

И. П. Подушкин.

СОЗДАНИЕ КАФЕДР АРХЕОЛОГИИ В АЛМА-АТЕ И САМАРКАНДЕ

С 1972—1973 гг. начинается археологическая специализация на историческом факультете Казахского государственного университета, проводимая вновь созданной кафедрой археологии. Заведующим кафедрой утвержден доцент А. М. Оразбаев. Для чтения лекций привлекаются известные исследователи археологии Казахстана М. П. Грязнов и С. С. Черников.

В декабре 1971 г. на историческом факультете Самаркандского государственного университета им. А. Навои на базе кабинета археологии создана кафедра археологии с археологической специализацией с 3-го курса. Заведующим кафедрой утвержден доцент М. Д. Джуракулов. Преподавание предполагается осуществить силами работников кафедры и сотрудников находящегося в Самарканде Института археологии АН УзССР.

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ 1972 г.

В мае 1972 г. отряд Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы, возглавляемой Г. А. Пугаченковой, продолжил исследование городища Кызыл-Тепе, расположенного на территории Мирниадинского сельсовета Сурхандарьинской области. Городище в плане прямоугольное, размером 750×750 м, обведено глинобитным валом и имеет в юго-западном углу группу вехомлений, видимо скрывающую остатки монументальных построек. На одном из этих вехомлений установлены три строительных горизонта, имеющих общую мощность 6 м. Находки керамики типа Яз-Дене III, Кобаданг I, бронзового двухлопастного втульчатого накопечника стрелы, наличие крупного прямоугольного кирпича позволяют датировать его серединой I тыс. до н. э. Это первое неперекрытое городище столь раннего времени, обнаруженное на территории Бактрии и Согда. В окрестностях Кызыл-Тепе отмечены остатки целого ряда более мелких поселений той же эпохи.

З. Хакимов.

В апреле — мае 1972 г. отряд Института археологии АН УзССР проводил раскопки Чиракчинского поселения, расположенного в Кашкадарьинской области на южном берегу Чимкурганского водохранилища. Поселение сохранилось в виде небольшого холма, при раскопках которого обнаружен ряд ям диаметром от 60—80 до 180 см, заполненных костями животных, фрагментами керамики и обломками зерноотерок. Керамика в основном сделана от руки и представлена горшками и жаровнями. Довольно многочисленны обломки керамики с отпечатками ткани; на двух фрагментах имеется парзевой орнамент. Найдено также некоторое число обломков сосудов, сделанных на гончарном круге и близких по фактуре соответствующей посуде комплекса Яз-Дене I. Видимо, это поселение оставлено скотоводческо-земледельческим населением первой трети I тыс. до н. э., располагавшимся на окраинах оседлой цивилизации Бактрии, представленной комплексами типа Яз-Дене I (Кучук-Тепе и Мурад-Тепе в Северной Бактрии и Тилля-Тепе в Южной Бактрии).

Дука Хуан.

В мае—июне 1972 г. были продолжены раскопки на городище Дальверзин-Тепе около Шурчи в Сурхандарьинской области, проводящиеся Узбекстанской искусствоведческой экспедицией Института искусствознания им. Хамзы. Работы были сосредоточены в квартале знати и в квартале керамистов. В первом из кварталов продолжалось вскрытие огромного жилого дома ДТ-6 с центральным приемным залом, имеющим четырехстолпную конструкцию. Зал обведен с трех сторон просторными коридорами, за которыми располагались жилые и бытовые помещения. К востоку от этого комплекса начаты раскопки аналогичного дома ДТ-10. Среди находок здесь особенно интересны ангийная гемма с изображением богини с рогом изобилия в руках, пирамидальные терракотовые ткацкие грузила и женские статуэтки.

В квартале керамистов раскопаны три гончарные печи кушанского времени и начаты раскопки мастерской. В северной части городища вскрыто помещение с 6 огромными хумами, где было также 25 бронзовых кушанских монет чекана Вимы Кадфиза, Кашинки и Хувишки.

Г. А. Пугаченкова.

В июне 1972 г. во время работ Бактрийской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Института археологии АН УзССР, руководимой В. М. Массоном, был раскопан отдельно стоящий холм в 1 км от городища Джандавлат-Тепе (район Ширабада). Оказалось, что холм содержит остатки глинобитной ступенчатой платформы размером по основанию около 23×21 м и высотой до 2,5 м. На самой платформе и под ней обнаружена керамика типа Яз III, что позволяет ориентировочно датировать платформу V—IV вв. до н. э. Расположение в стороне от городского поселения, на котором также имеется керамика этого времени, позволяет предположить, что платформа служила основанием для какого-то культового комплекса.

Ш. Пидасв.

В 1970 г. решением Президиума Академии наук Казахской ССР организована Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция. Основные объекты исследования экспедиции — городище Отрар и памятники Отрарского оазиса. В течение двух полевых сезонов (1971—1972 гг.) на Отраре вскрыто около 20000 м² городской территории XVI—XVII вв. Раскопки на больших площадях позволили выяснить характер городской застройки. Это кварталы, ограниченные со стороны улиц глухими задними стенами домов. Площадь их 1500—1800 м². Кварталы состоят из 10—12 домов. Планировка их стандартная. Центральным зданием было помещение с очагом. Площадь его 20—25 м². Стены помещений имеют толщину 80—120 см и сложены

из прямоугольного сырцового кирпича, наиболее употребительный формат которого 27×16×7 и 30×20×9 см. Кладка плашмя и на ребро с наклоном. В помещении в пол, который приподнят относительно основания стен на 30—40 см, вмазывался очаг-тандыр с дымоходом, выведенным в стену. Рядом с тандыром площадка, выложенная жженым кирпичом, и ташнау. Кроме очага в помещении устраивались погреба. К центральному помещению пристраивалось одно или два хозяйственных с глиняными ящиками-ларями для хранения продуктов. Один из кварталов, видимо, принадлежал хлебопекам. Здесь тандыры находились в каждом помещении, иногда по два сразу, и во дворах.

При раскопках получены многочисленные коллекции керамики, украшения из металла и камня. Получен большой набор орудий из камня — жернова, песты, терочники. Раскопки верхних слоев Ограра рисуют картину жизни позднесредневекового города Казахстана.

К. А. Акишев, К. М. Байпаков.

КНИГИ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1971 г.

- Атагарриев Е. По следам минувших времен. Ашхабад, «Туркменистан», 1971. 100 с. с ил. На туркм. яз.
- Археологические памятники Туркмении с древнейших времен до средневековья.
- Ахраров П., Л. Ремпель. Резной штук Афрасаба. Ташкент, Изд-во лит. и искусства, 1971.
- Байпаков К. М., Л. Б. Ерзакович. Древние города Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1971. 221 с. с ил., карт. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии). Библиогр.: 10 назв.
- Средневековая городская культура.
- Беленицкий А. М., В. И. Распопова. Древний Пенджикент. Душанбе, «Ирфон», 1971. 32 с. с ил.
- Искусство и археология Ирана. Всесоюз. конференция (1969). Доклады. М. «Наука», 1971. 359 с.; 21 л. ил. (Гос. музей искусства народов Востока. К 2500-летию иран. государства).
- В ряде докладов рассматриваются вопросы среднеазиатской археологии.
- История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. (Сб. статей). Отв. ред. Б. Г. Гафуров. М., «Наука», 1971. 351 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Сборник включает работы, посвященные историко-культурным связям Ирана со Средней Азией с древнейших времен до средневековья.
- Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., «Наука», 1971. 252 с. с ил., карт.; 4 л. ил. (АН СССР. Ин-т этнографии, Хорезмская археолог.-этногр. экспедиция. Труды. Т. 7). Библиогр.: с. 243—249.
- Маршак Б. П. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., «Наука», 1971. 158 с. с ил.; 16 л. ил. 53 отд. л. ил. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Гос. Эрмитаж). Библиогр.: 241 назв. Текст на рус. и англ. яз.
- Массон В. М. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики). Л., «Наука», 1971. 208 с. с ил. (АН СССР. Ин-т археологии. МИА, № 180).
- Памятник эпохи неолита в Южной Туркмении.
- Материальная культура Таджикистана. [Сб. статей]. В. 2. Отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе, «Дониш», 1971. 200 с. с ил., карт. (АН ТаджССР. Ин-т истории).
- Материальная культура Туркменистана. [Сб. статей]. В. 1. Неолитические поселения и средневековые города. Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад, «Ылым», 1971. 180 с. с ил., карт. (АН ТССР. Ин-т истории).
- Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. С древнейших времен до присоединения к России). Ашхабад, «Ылым», 1971, 343 с. (АН ТССР. Ин-т истории). Авт.: Г. П. Лисицына, В. И. Сариниди, В. М. Массон, В. А. Лившиц, О. Г. Большаков и др.
- Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., «Искусство», 1971. 204 с. с ил. (Ин-т искусствознания М-ва культуры УзССР). Библиогр. в примеч. Резюме на англ. яз.
- Памятники искусства Северной Бактрии. Из раскопок дворцового здания I в. до н. э. на городище близ г. Денау УзССР.

- Рапорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. (Оссуарии). М., «Наука», 1971, 128 с. с ил.; 1 л. ил. (АИ ССР, Ин-т этнографии, Хорезмская археол.-этногр. экспедиция, Труды. Т. 6).
- Изучение оссуарного обряда погребения I тыс. до н. э.—I тыс. н. э., связанного с зороастризмом.
- Страны и народы Востока. [Сб. статей]. В. 10. Под ред. Д. А. Ольдерогге. Средняя и Центральная Азия. География. Этнография. История. М., «Наука», 1971, 192 с. с ил., карт.; 2 л. ил., карт. (АН СССР. Геогр. о-во СССР. Вост. комиссия).
- Эпиграфика Востока. (Сб. статей). В. 20. Под ред. В. А. Крачковской, Л., «Наука», 1971, 123 с. с ил., карт. (АН СССР. Ин-т археологии).
- Эпиграфика Казахстана. [Сб. статей]. В. 1. Отв. ред. Г. Г. Мусабаяв. Алма-Ата, «Илим», 1971, 164 с. с ил. (АИ КазССР. Ин-т языкознания). Перед загл. авт.: Г. Г. Мусабаяв, Г. Айдаров, А. Махмутов.

Е. Н. Романова, А. А. Семенов, В. И. Тимофеев.

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ОБРАЗЦОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА ЛАБОРАТОРИИ ЛОИА АН СССР

В данном списке публикуются радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из Средней Азии и Казахстана и выполненные в радиоуглеродной лаборатории ЛО Института археологии АН СССР. Определение возраста образцов производилось синтиляционным методом. В качестве носителя радиоуглерода использовался бензол. В анализах, выполненных до 1964 г. (образцы с номерами до ЛЕ-599), измерения осуществлялись на этилбензоле.

Определение радиоактивности образцов производилось на двух счетных установках с одиночными ФЭУ. Предельный измеряемый возраст составляет 43 000 лет. Все датировки рассчитаны по периоду полураспада C^{14} , равному 5570 ± 30 лет. Возраст образцов приведен относительно 1950 г.

С 1959 по 1971 г. лабораторией было выполнено 59 определений абсолютного возраста образцов из археологических памятников Средней Азии (в их число вошли также даты образцов из культурно близких памятников Афганистана) и Казахстана. 18 дат публикуются впервые, остальные были опубликованы ранее (в этих случаях указываются первые публикации датировок и работы, в которых они рассматриваются). 10 датированных образцов происходят из мезолитических и неолитических стоянок Средней Азии; 34 относятся к памятникам неолита—бронзового века Средней Азии и Казахстана; 15 — к комплексам более позднего времени той же территории.

При использовании результатов анализов C^{14} для хронологических построений следует учитывать, что радиоуглеродные даты относятся не непосредственно к культурному слою, комплексу археологических находок, а к конкретному образцу органического вещества, степень связи которого с археологическим материалом может быть различной. Так, Х. Ватерболк, автор специальной работы о применении результатов анализов C^{14} в хронологических схемах, предлагает градацию образцов: полная вероятность — датированный образец сам представляет собой археологический объект (деревянное изделие, органическая примесь в керамике); высокая вероятность — образец находится в прямой функциональной связи с археологическим материалом (например, обугленное зерно из хозяйственной ямы); вероятность — образец представляет собой скопление углей в культурном слое; возможность — образец состоит из отдельных углей, рассеянных в культурном слое (Waterbolk, 1971, p. 11—26). Необходим индивидуальный подход к каждому образцу, предлагаемому на определение абсолютного возраста, что предполагает возможно более точную фиксацию его стратиграфического положения и исключение возможности загрязнения его посторонним углеродом (что может произойти как во время раскопок, так и до их начала — при прорезании ямами, впущенными с уровня дневной поверхности, верхних слоев, нижележащих и т. д.). При определении хронологии образцов древесины следует учитывать, что возраст образца может быть значительно старше культурного слоя или погребения, в котором образец находился (особенно, если датирована древесина дерева долгоживущих пород; последним, возможно, объясняется значительное удревание образца ЛЕ-247 из кургана № 5 Чилыктинской долины по сравнению с предполагаемым возрастом). Для построения шкалы радиоуглеродной хронологии ранних периодов Средней Азии и Казахстана необходимо как увеличение числа дат (например, полностью отсутствуют датировки палеолитических комплексов, даты неолитических стоянок севера Средней Азии и Казахстана), так и повышение строгости отбора образцов в полевых условиях, детальная фиксация и документация условий их нахождения.

Памятники мезолита и неолита Средней Азии

- ЛЕ-280. Древесный уголь (березовый и терескеновый) из II горизонта культурного слоя (большой костер) стоянки Ош-Хона, Восточный Памир Таджикской ССР. Раскопки В. А. Ранова. Материалы стоянки относятся автором раскопок к мезолиту—раннему неолиту («маркансуйская» культура, близкая по технике обработки камня гиссарской и хронологически ей предшествующая). (Бутомо, Ранов, Сидоров, 1964, стр. 11—17; Ранов, 1968, стр. 21, 28).
 9530 ± 130 (7580 ± 130 до н. э.)
- ЛЕ-982. Уголь из нижнего мезолитического слоя (г. 1.1 м) пещеры Мачай, Байсуевский район Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Раскопки У. Исламова.
 7550 ± 110 (5600 ± 110 до н. э.)
- ЛЕ-772. Уголь с землей из основания II горизонта поселения Туткаул, Нурекский район Таджикской ССР (кв. В-20, г. 7.65 м). Впоследствии основание II горизонта было выделено как отдельный горизонт стратиграфически. (Ранов, Юсунов, 1970, стр. 428; Ранов, Коробкова, 1971, стр. 142 и сл.).
 8020 ± 170 (6070 ± 170 до н. э.)
- ЛЕ-690. Уголь с землей из очага, находившегося в верхней части II горизонта (г. 4.46 м) поселения Туткаул. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257; Ранов, Коробкова, 1971, стр. 144).
 7100 ± 140 (5150 ± 140 до н. э.)
- ЛЕ-777. Уголь с землей из I горизонта (кв. 0-29, г. 9.9 м) поселения Туткаул.
 6760 ± 110 (4810 ± 110 до н. э.)
- Примечание. Даты ЛЕ 690, ЛЕ 777 связываются с комплексами гиссарской индустрии. (Ранов, Коробкова, 1971, стр. 139 и сл.)
- ЛЕ-534. Уголь из культурного слоя «Гиссар VI» («Неолит VI») стоянки в навесе Ак-Таньга, Туркестанский хребет, Ганчинский район Ленинабадской области Таджикской ССР (кв. Б-17, г. 9 м). Раскопки В. А. Ранова и Б. А. Литвинского. (Ранов, 1968, стр. 28; Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).
 8785 ± 130 (6835 ± 130 до н. э.)
- ЛЕ-471. Уголь из культурного слоя «Гиссар IV» («Неолит IV») стоянки Ак-Таньга. (Ранов, 1963, стр. 28; Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).
 5950 ± 380 ($4000 - 380$ до н. э.)
- ЛЕ-429. Уголь из средней части культурного слоя «Бронза III» стоянки Ак-Таньга (кв. А-12, 13, Б-12, 13, г. 542, 586, 475 см от репера). (Литвинский, Ранов, 1964, стр. 20; Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).
 4170 ± 110 (2220 ± 110 до н. э.)
- Примечание. Дата ЛЕ 534 связывается автором раскопок с комплексом изделий мезолита — раннего неолита, состоявшего из ряда исследователей с неолитическими материалами Центральной Ферганы (Ранов, 1968, стр. 22); ЛЕ 471 — с комплексом неолитической индустрии (материалы слоев «Гиссар IV—VI» не опубликованы); для материалов слоя «Бронза III» отмечается идентичность приемов обработки камня технике гиссарской культуры и близость к неолитической керамике типа Заман-Баба. (Литвинский, Ранов, 1964, стр. 20).
- ЛЕ-592. Уголь из очагов II строительного горизонта поселения Чагылы-Депе близ Меана, Тедженский район Ашхабадской области Туркменской ССР. Раскопки О. К. Бердыева. Образец связывается с материалами конца позднего периода джейтунской культуры. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257; Бердыев, 1969, стр. 54; Массон, 1971, стр. 60).
 7000 ± 110 (5050 ± 110 до н. э.)
- Примечание. Близкие даты были получены для образцов угля из другого памятника джейтунской культуры — Тоголок-Депе (датировки лаборатории Центрального института древней истории и археологии АН ГДР, Берлин); 7320 ± 100 , Вп. 719 — материалы раннего этапа культуры; 6890 ± 100 , Вп. 718 — материалы среднего этапа. (Kohl und Quitza, 1969, S. 252—253; Массон, 1971, стр. 61, рис. 15).
- ЛЕ-1. Древесный уголь (саксауловый) из 4-го культурного слоя (неолит—ранний неолит) стоянки в гроте Джебел, Красноводский район Туркменской ССР. Раскопки А. П. Окладникова. (Протоионов, Бутомо, 1959, стр. 32).
 6030 ± 240 (4080 ± 240 до н. э.)

Энеолитические памятники Южной Туркмении

- ЛЕ-174. Уголь из культурного слоя поселения Дашлыджи-Депе (Геоксюр 8). Образец связывается с материалами типа позднего Намазга I. (Абсолютная геохронология..., 1963, стр. 148—149; Массон, 1971, стр. 61—62).
 4630 ± 90 (2680 ± 90 до н. э.)
- ЛЕ-159. Уголь из культурного слоя поселения Тилькин-Депе. Образец происходит из 2-го (сверху) слоя шурфа, заложенного в 1958 г. И. Н. Хлопным. Связывается с материалами типа раннего Намазга II. (Артемьев, Бутомо, Дрожжин, Романова, 1961, стр. 11; Хлопин, 1963, стр. 8; Массон, 1971, стр. 61—62).
 6510 ± 110 (4560 ± 110 до н. э.)

ЛЕ-251. Уголь из культурного слоя поселения Ялангач-Депе (Геокюр 3). Образец связывается с материалами раннего Намазга II. (Абсолютная геохронология... стр. 148—149; Массон, 1971, стр. 61—62).

3700 ± 120 (1750 \pm 120 до н. э.)

ЛЕ-261. Уголь из культурного слоя поселения Муллали-Депе (Геокюр 4). Образец связывается с материалами раннего Намазга II. (Абсолютная геохронология..., стр. 148—149; Массон, 1971, стр. 61—62).

3750 ± 80 (1800 \pm 80 до н. э.)

ЛЕ-241. Уголь с поселения Акча-Депе (Геокюр 2). (Абсолютная геохронология..., стр. 148—149).

Современный

ЛЕ-647. Уголь из верхнего культурного слоя поселения Геокюр 1, (раскоп I, пом. 54, гл. 1.4 м). Раскопки В. И. Сариниди. Образец связывается с материалами типа раннего Намазга III. (Долуханов, Романова, Семенов, 1969, стр. 257; Массон, 1971, стр. 61—62).

4440 ± 180 (2490 \pm 180 до н. э.)

Примечание. Образец угля из пом. 54 был датирован также в Берлинской лаборатории (4710 \pm 100, Вп. 720; Kohl und Quitta, 1969, S. 252).

ЛЕ-257. Уголь из культурного слоя поселения Геокюр 1. Образец связывается с материалами типа раннего Намазга III. (Абсолютная геохронология..., стр. 148—149; Массон, 1971, стр. 61—62).

3750 ± 90 (1800 \pm 90 до н. э.)

ЛЕ-2. Уголь из культурного слоя поселения Кара-Депе. Образец связывается с материалами типа Намазга III. (Протопопов, Бутомо, 1959, стр. 32; Массон, 1971, стр. 61—62).

4700 ± 220 (2750 \pm 220 до н. э.)

Памятники эпохи бронзы юга Средней Азии и Афганистана

ЛЕ-664. Уголь из культурного слоя (раскоп I) поселения Алтын-Депе близ Меана, Тедженский район Ашхабадской области Туркменской ССР. Раскопки В. М. Массона. Образец связывается с материалами типа позднего Намазга IV. (Долуханов, Романова, Семенов, 1969, стр. 257; Массон, 1970, стр. 18—19).

4070 ± 50 (2120 \pm 50 до н. э.)

ЛЕ-770. Уголь из культурного слоя (раскоп 5, пом. 29, гл. ок. 1 м) Алтын-Депе. Образец связывается с материалами типа раннего Намазга V. (Массон, 1970, стр. 18—19).

4660 ± 50 (2710 \pm 50 до н. э.)

ЛЕ-769. Уголь из культурного слоя (раскоп 7, гл. 0.5 м) Алтын-Депе. Образец связывается с материалами типа раннего Намазга V. (Массон, 1970, стр. 18—19);

3260 ± 50 (1310 \pm 50 до н. э.)

ЛЕ-767. Уголь из культурного слоя (раскоп 7, у наружной стены, к востоку от пом. 10 и 7, гл. 0.5 м) Алтын-Депе. Образец связывается с материалами типа раннего Намазга V. (Массон, 1970, стр. 18—19).

3140 ± 50 (1190 \pm 50 до н. э.)

Примечание. Для материалов типа раннего Намазга V с Алтын-Депе имеются также датировки Берлинской лаборатории: 4120 \pm 100, Вп. 716; 4025 \pm 100, Вп. 717 (образцы угля из раскопа 7; Kohl und Quitta, 1969, S. 251—252; Массон, 1970, стр. 19).

ЛЕ-916. Уголь из культурного слоя (мусорный завал у керамической печи, гл. 1.5 м) поселения Сапалли-Тепе, Сурхандарьинская область Узбекской ССР. Раскопки А. Аскарлова. Автор раскопок связывает образец с материалами времени конца Намазга V—начала Намазга VI.

3640 ± 90 (1690 \pm 90 до н. э.)

ЛЕ-975. Уголь из культурного слоя поселения Дашлы 1 (пом. 24, гл. 1.1 м), Афганистан. Раскопки советско-афганской экспедиции (Кругликова, Сариниди, 1971). Образцы связываются с материалами времени Намазга VI.

3520 ± 45 (1570 \pm 45 до н. э.)

ЛЕ-976. Уголь из культурного слоя поселения Дашлы 1 (раскоп 1, пом. 18, гл. 1.05 м).

3200 ± 45 (1250 \pm 45 до н. э.)

ЛЕ-978. Уголь из культурного слоя поселения Дашлы 3 (из ямы в стенке раскопа).

3440 ± 50 (1490 \pm 50 до н. э.)

ЛЕ-977. Уголь из культурного слоя поселения Дашлы 2 (шурф 1, гл. 1 м, из очага).

3340 ± 40 (1390 \pm 40 до н. э.)

ЛЕ-980. Уголь из культурного слоя поселения Улуг-Депе, Тедженский район Ашхабадской области Туркменской ССР (раскоп Улуг II, гл. 0.5 м). Образец связывается с материалами типа раннего Намазга VI.

3280 ± 95 (1330 \pm 95 до н. э.)

Примечание. Ранее на Улуг-Депе были датированы образцы угля из слоев с материалами типа Намазга IV (слой 3: 4140 \pm 100, Вп. 715; слой 2: 4095 \pm 100, Вп. 714; Kohl und Quitta, 1969; Массон, 1970, стр. 19).

ЛЕ-665. Уголь из культурного слоя поселения Намазга-Депе близ Каакха, Ашхабадская область Туркменской ССР (раскоп на «вышке», уголь из печи III). Образец связывается с материалами типа позднего Намазга VI. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257; Массон, 1970, стр. 18).

2980 ± 60 (1030 \pm 60 до н. э.)

ЛЕ-773. Уголь из культурного слоя поселения Кучук-Тепе в 70 км к северо-востоку от г. Термеза, Сурхандарьинская область Узбекской ССР. Раскопки Л. И. Альбаума. Образец связывается с материалами времени Яз-Депе I. (Массон, 1970, стр. 18—19).

2850 ± 60 (900 \pm 60 до н. э.)

ЛЕ-715. Уголь из погр. 12 кургана 7 могильника Тигровая Балка, Шаартузский район Таджикской ССР. Раскопки Б. А. Литвинского. Автор раскопок относит погребение к вахшской культуре. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).

3350 ± 60 (1380 \pm 60 до н. э.)

Чустская культура Ферганской долины

ЛЕ-323. Уголь из нижнего горизонта культурного слоя поселения Дальверзин, Андижанская область Узбекской ССР. Раскопки Ю. А. Заднепровского. (Абсолютная геохронология..., стр. 131).

3050 ± 120 (1100 \pm 120 до н. э.)

ЛЕ-127. Уголь из среднего горизонта культурного слоя поселения Дальверзин. (Артемьев, Бутомо, Дрожжин, Романова, 1961, стр. 11).

2720 ± 120 (770 \pm 120 до н. э.)

ЛЕ-973. Уголь из среднего горизонта культурного слоя поселения Дальверзин (раскоп VIII, кв. 51, гл. 1—2 м).

2180 ± 40 (230 \pm 40 до н. э.)

ЛЕ-445. Уголь из культурного слоя Чустского поселения, Наманганская область Узбекской ССР (центральный раскоп, рид 20, кв. 20, ярусы 4 и 5, из ямы, гл. 1,24 и 1 м). Раскопки В. И. Сиришевского. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).

2240 ± 75 (290 \pm 75 до н. э.)

Андроновское время Казахстана и Средней Азии

ЛЕ-990. Древесина из погребения в кургане 8 могильника Амангельды I, Ленинский район Северо-Казахстанской области Казахской ССР. Раскопки Г. Б. Здановича.

3730 ± 80 (1180 \pm 80 до н. э.)

ЛЕ-614. Древесина (плетень) из ямы 14 поселения Тасты-Бутак, Актюбинская область Казахской ССР. Раскопки В. С. Сорокина. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).

3500 ± 65 (1550 \pm 65 до н. э.)

ЛЕ-213. Древесина (плетень) из ямы 11 поселения Тасты-Бутак. (Абсолютная геохронология..., стр. 131).

3190 ± 80 (1240 \pm 80 до н. э.)

ЛЕ-989. Уголь с пола жилища нижнего культурного слоя поселения Повоникольское I, Северо-Казахстанская область Казахской ССР, в 60 км юго-западнее г. Петропавловска (раскоп IV, гл. 0,6—0,8). Раскопки Г. Б. Здановича.

3160 ± 120 (1210 \pm 120 до н. э.)

ЛЕ-632. Древесина из погребения кургана 2 могильника Предгорное, Восточно-Казахстанская область Казахской ССР. Раскопки С. С. Чершикова. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 260).

2760 ± 60 (810 \pm 60 до н. э.)

ЛЕ-432. Уголь из культурного слоя «Бронза II» (кв. Б-18, гл. 318, 319, 260 см от репера) стоянки Ак-Таньга, Таджикская ССР. Раскопки Б. А. Литвинского и В. А. Ранова (см. выше датировки нижних слоев стоянки). (Литвинский, Ранов, 1964, стр. 20; Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 257).

Примечание. Дата связывается с материалами, относимыми авторами раскопок к первому этапу кайракумской культуры. (Литвинский, Ранов, 1964, стр. 20).

ЛЕ-376. Уголь из печи поселения Буджайли I, Бухарская область Узбекской ССР. Раскопки А. Аскарлова.

230 ± 65 (1720 \pm 65 н. э.)

Поздний бронзовый—ранний железный век Хорезма

ЛЕ-309. Уголь с пола камеры погребального сооружения 6 могильника Тагискен, Кзыл-Ординская область Казахской ССР. Раскопки С. П. Толстова. Предпо-

- ЛЕ-881. Уголь из культурного слоя (гл. 1 м, слой, насыщенный органическими остатками) городища Куюк-Тепе. Предполагаемый возраст — V—VII вв. н. э.
1480±40 (470±40 н. э.)
- ЛЕ-880. Уголь из культурного слоя (гл. 2.2 м) городища Куюк-Тепе. Предполагаемый возраст — V—VII вв. н. э.
1320±50 (630±50 н. э.)
- ЛЕ-712. Уголь из культурного слоя (гл. 4.5 м) поселения Чуи-Тепе, Кувшинский район Ферганской области Узбекской ССР. Раскопки Н. Г. Горбуновой. Предполагаемый возраст — VII—VIII вв. н. э. (Долуханов, Романова, Семенцов, 1969, стр. 260).
970±50 (980±50 н. э.)

Л и т е р а т у р а

- Абсолютная геохронология четвертичного периода. 1963. М.
- Артемьев В. В., С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. 1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по углероду (C¹⁴). СА, № 2.
- Бердыев О. 1969. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
- Бутомо С. В., В. А. Рапов, Л. Ф. Сидоров. 1964. Некоторые вопросы исследования каменного века Памира. СА, № 4.
- Долуханов П. М., Е. Н. Романова, А. А. Семенцов. 1969. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, № 1.
- Кругликова И. Т., В. И. Сараниди. 1971. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, № 4.
- Литвинский Б. А., В. А. Рапов. 1964. Раскопки навеса Ак-Таньга в 1961 г. Тр. Инст. ист. им. А. Дониша, т. XI. II, Душанбе.
- Массон В. М. 1970. Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. МИОТАКЭ.
- Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун. МИА, № 180.
- Протопопов Х. В., С. В. Бутомо. 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду. СА, № 2.
- Рапов В. А. 1968. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965). В кн.: Материальная культура Таджикистана. В. I. Душанбе.
- Рапов В. А., Г. Ф. Коробкова. 1971. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, № 2.
- Рапов В. А., А. Х. Юсупов. 1970. Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС. АО 1969 г. М.
- Толстов С. П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Хлопни И. Н. 1963. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, в. БЗ-8, М.—Л.
- Kohl G. und H. Quitta. 1969. Neue Radiocarbon daten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion. Zeitschr. für Archäol № 3, Berlin.
- Waterbolk H. T. 1971. Working with Radiocarbon Dates. VII ACISPP, t. 1, Belgrad.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛО — Археологические открытия. М.
ИАН — Известия Академии наук. М.
ИМҚУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ККД — Каракумские древности. Ашхабад.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции Академии наук СССР. М.
МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
СА — Советская археология. М.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.—Л.
ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ТрСАМГУ — Труды Самаркандского государственного университета.
АА — American Anthropologist. Chicago.
ACISPP — Actes de Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques.
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London.
WA — World Archaeology. London.
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Рис. 1. Пещера Караунгур. Кремневые изделия (1—34).
- Рис. 2. Пещера Караунгур. Керамика (39—41), костяные (13, 17—28, 34, 38) и кремневые орудия (1—12, 14—16; 29—33, 35—37, 42, 43).
- Рис. 3. Пещера Сырыунгур. Кремневые изделия (1—7).
- Рис. 4. Огзи-Кичик. Кремневые орудия (1—9).
- Рис. 5. Гуликандоз (1—5); Кабриген-Сай (6—8). Изделия из кремния.
- Рис. 6. Кутурбулак. Стратиграфический разрез в пикете 3—21.
а — почвенный слой; б — серая болотистая глина с остатками I горизонта, в — песочный слой с остатками II горизонта; г — плотный серый суглинок с песчаной прослойкой — III культурный горизонт; д — зеленый илистый суглинок с желтоватой глиной — IV культурный горизонт; е — темно-желтая глина с остатками V горизонта; ж — серая однородная глина; з — находки орудий.
- Рис. 7. Кутурбулак. Кремневые изделия.
1 — дисковидный нуклеус; 2, 3 — пластины; 4, 7 — остроконечники; 5, 6 — скребла.
- Рис. 8. Корреляция террас сая Чашмасаб в районе Самаркандской стоянки.
а — покровные суглинки; б — пачки; включающие покровные слои; в — русловые пески.
- Рис. 9. План пещеры Мачай. Кв. Ж-1-2-3.
(1, 2 — места находок черепов; АБ, ВГ — разрезы).
- Рис. 10. Гадым-Депе. Кремневые орудия.
1—3 — резчики-скобели; 4, 5 — трапеции; 6—9, 19, 20 — вкладыши серпов; 10, 11 — проколки; 12, 13 — сверла; 14—16 — скобели; 17, 18 — ножи; 21—24 боковые скребки.
- Рис. 11. Бешбулак и Лявлякан. Изделия из бирюзы (1—11; 17—35) и мраморного оникса (12—16).
1—6, 12—14 — Бешбулак 1/7; 7—9 — Бешбулак 1/8; 10, 11, 15, 16 — Бешбулак 1/12; 17, 18 — Лявлякан 223; 19—22 — Лявлякан 219; 23, 24, 28, 29 — Лявлякан 43; 25—27 — Лявлякан 31; 30—32 — Лявлякан 402; 33, 34 — Лявлякан 366; 35 — Лявлякан 367.
- Рис. 12. — Бешбулак. Плечиковые сверла.
1—17 — Бешбулак 1/7; 18—33 — Бешбулак 1/8; 34—45 — Бешбулак 1/12.
- Рис. 13. Бешбулак 15. Кремневые изделия (1—30).

Рис. 1.

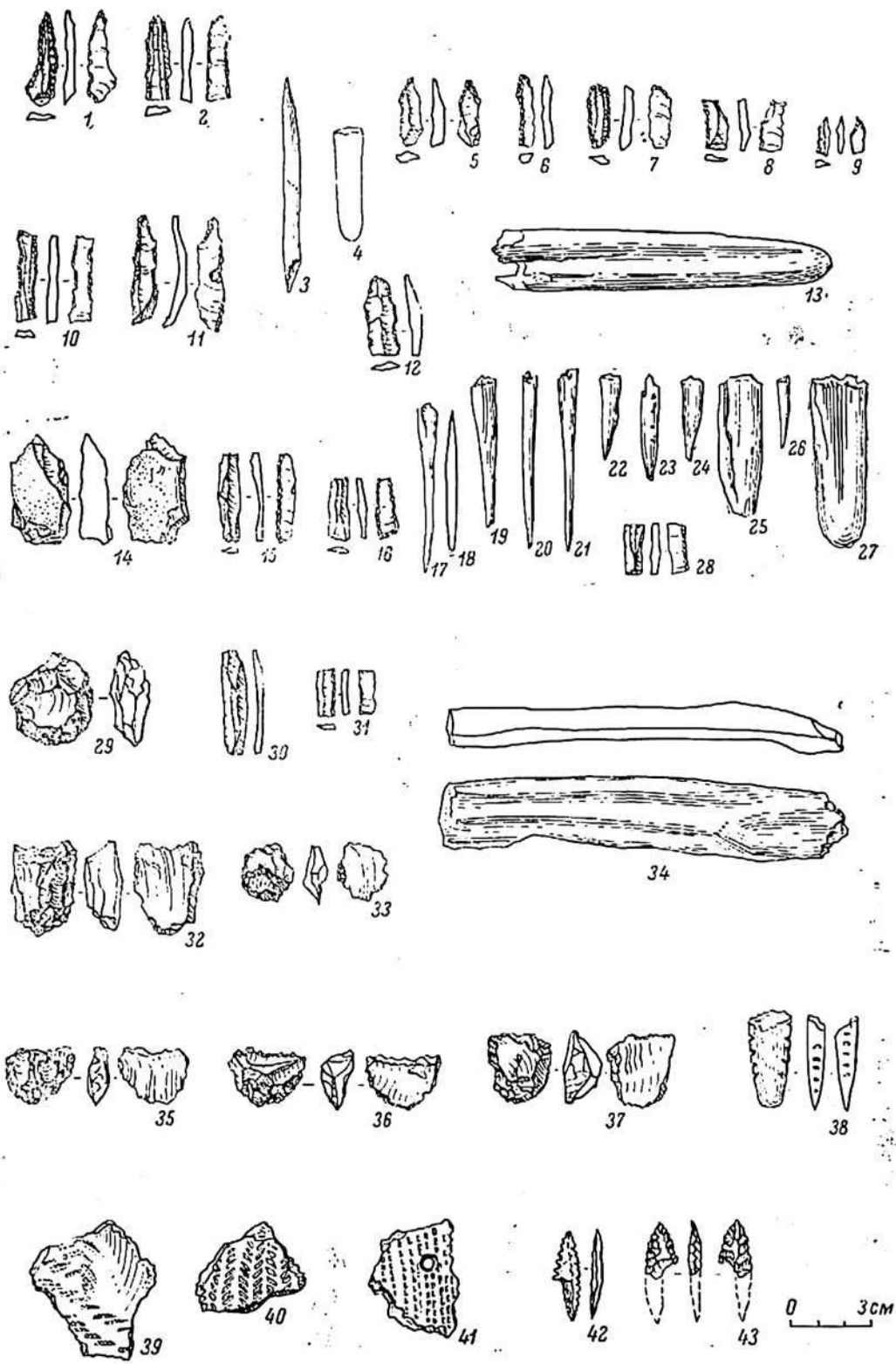

Рис. 2.

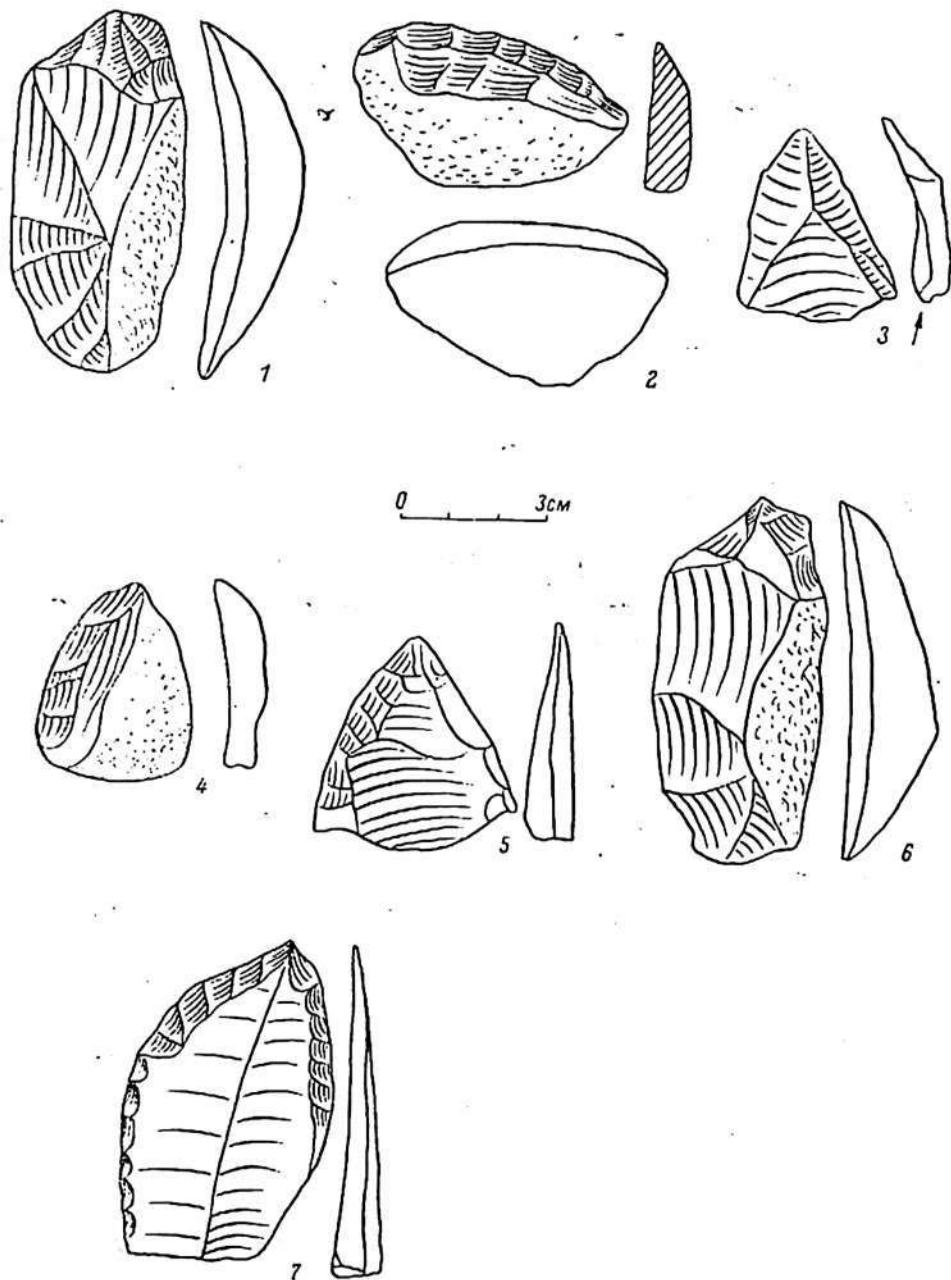

Рис. 3.

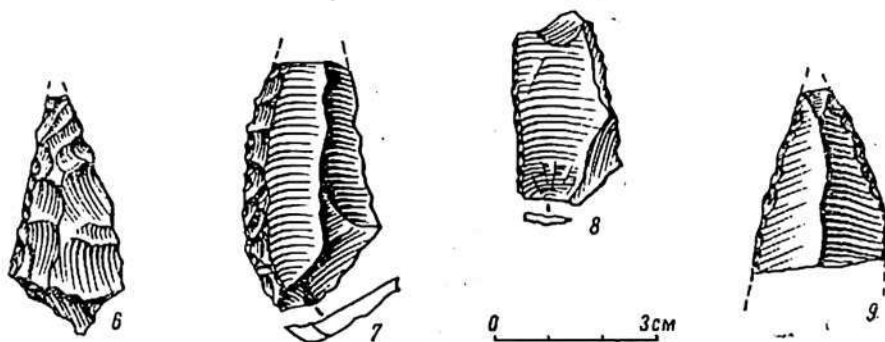
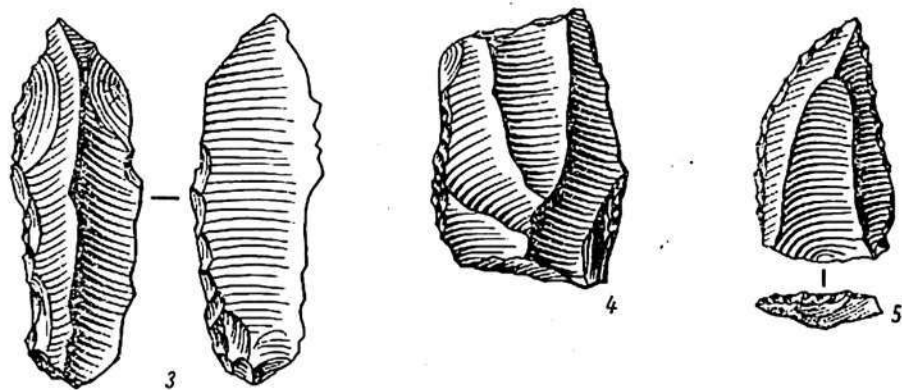
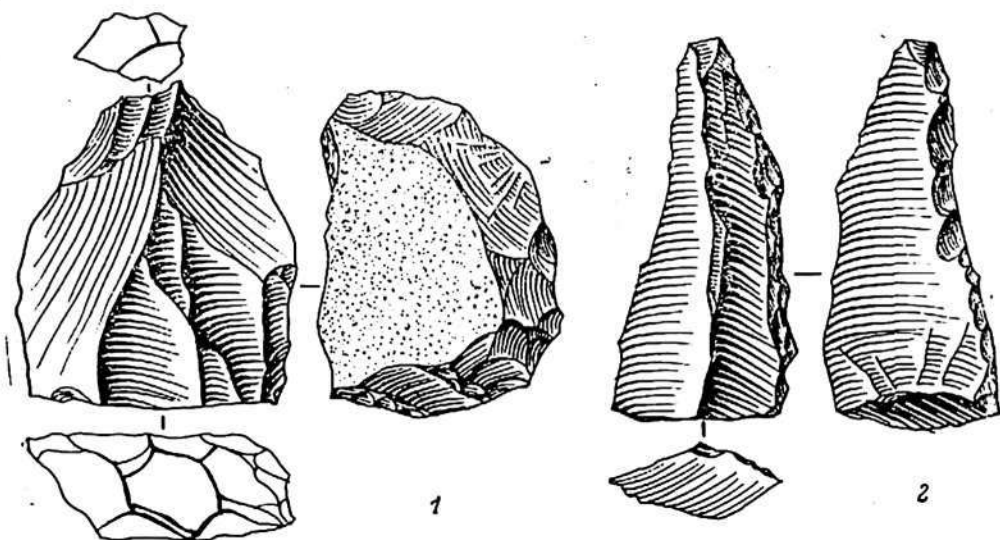

Рис. 4.

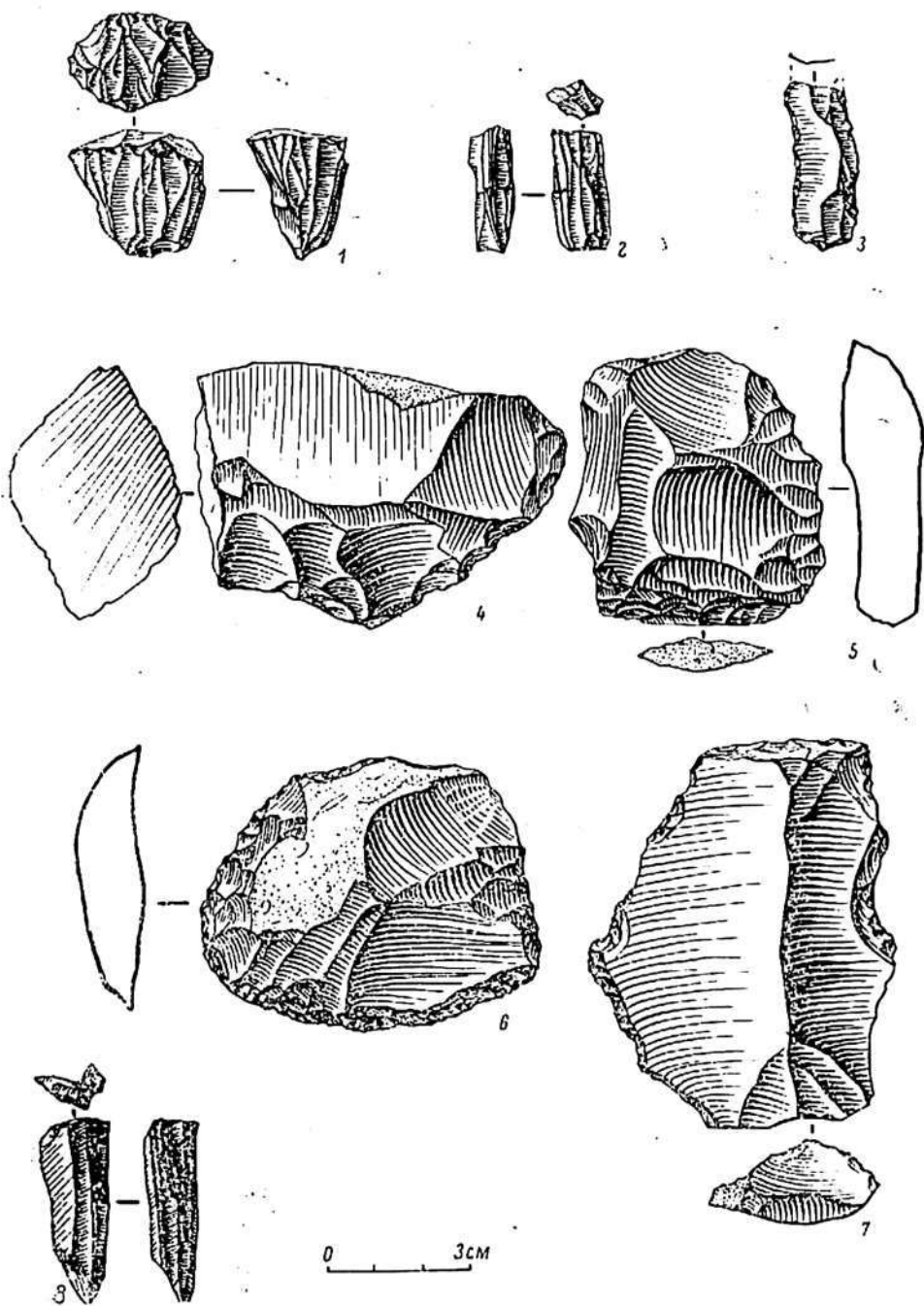

Рис. 5.

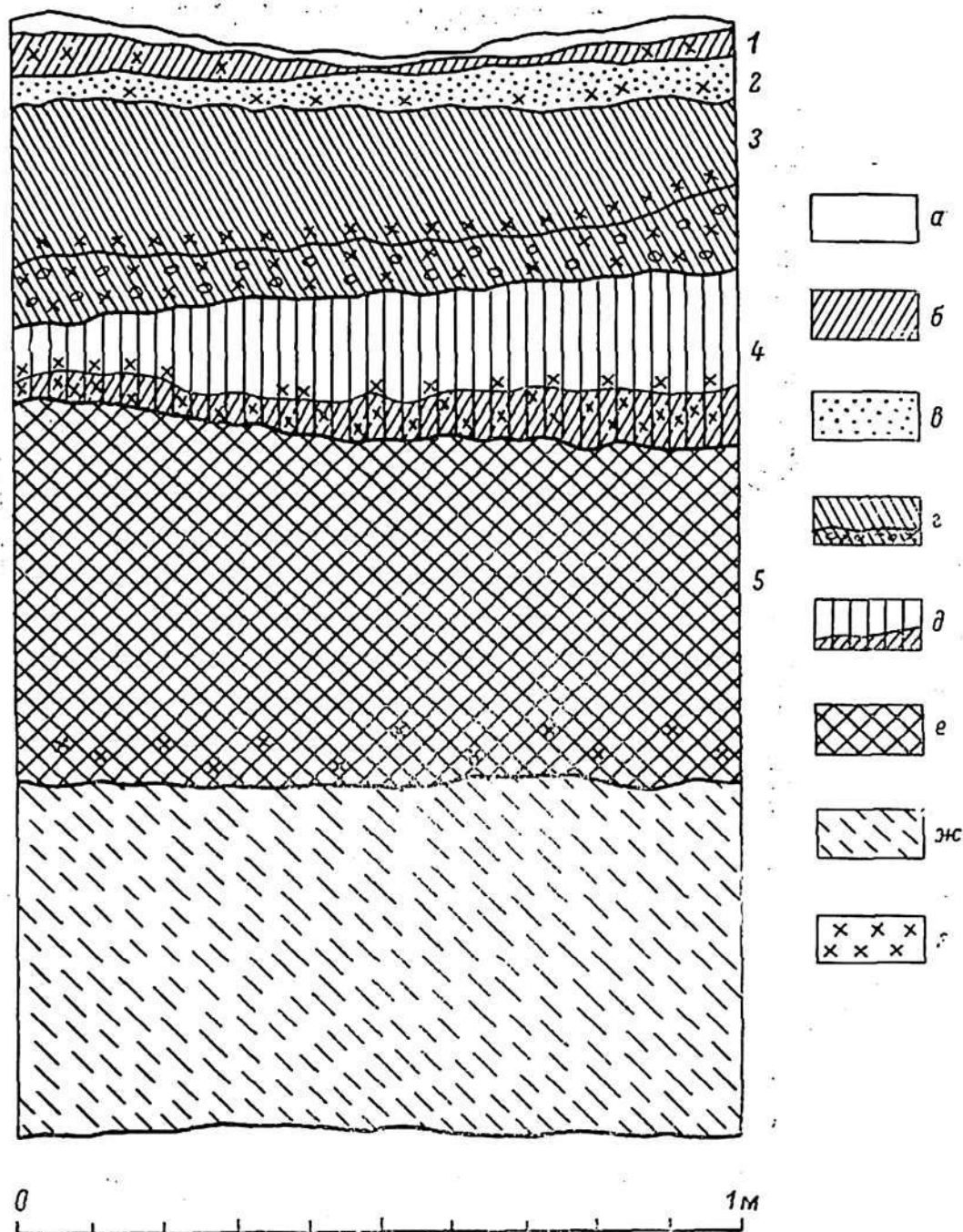

Рис. 6.

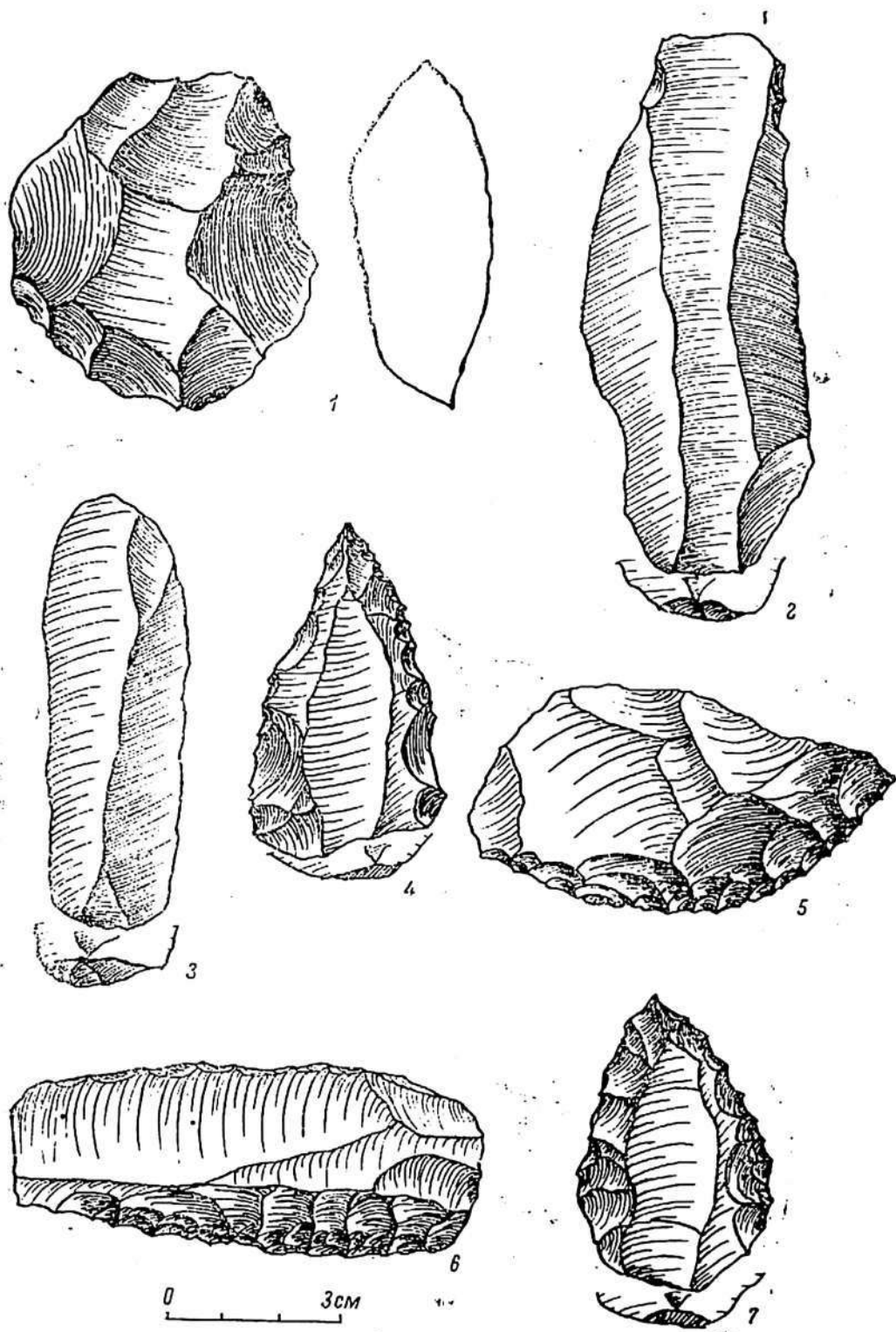

Рис. 7.

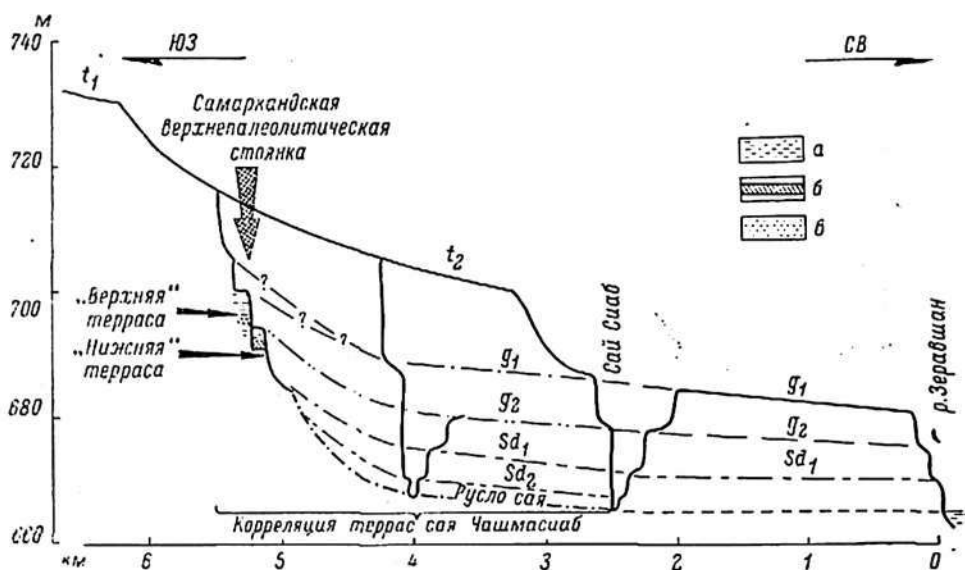

Рис. 8.

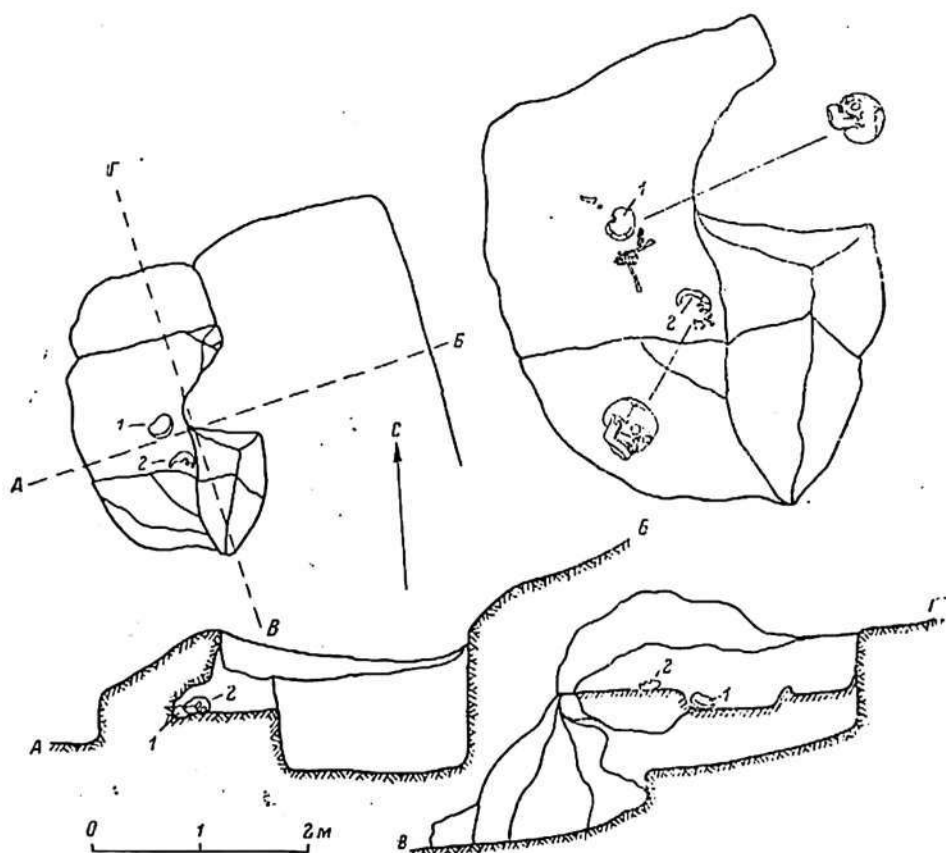

Рис. 9.

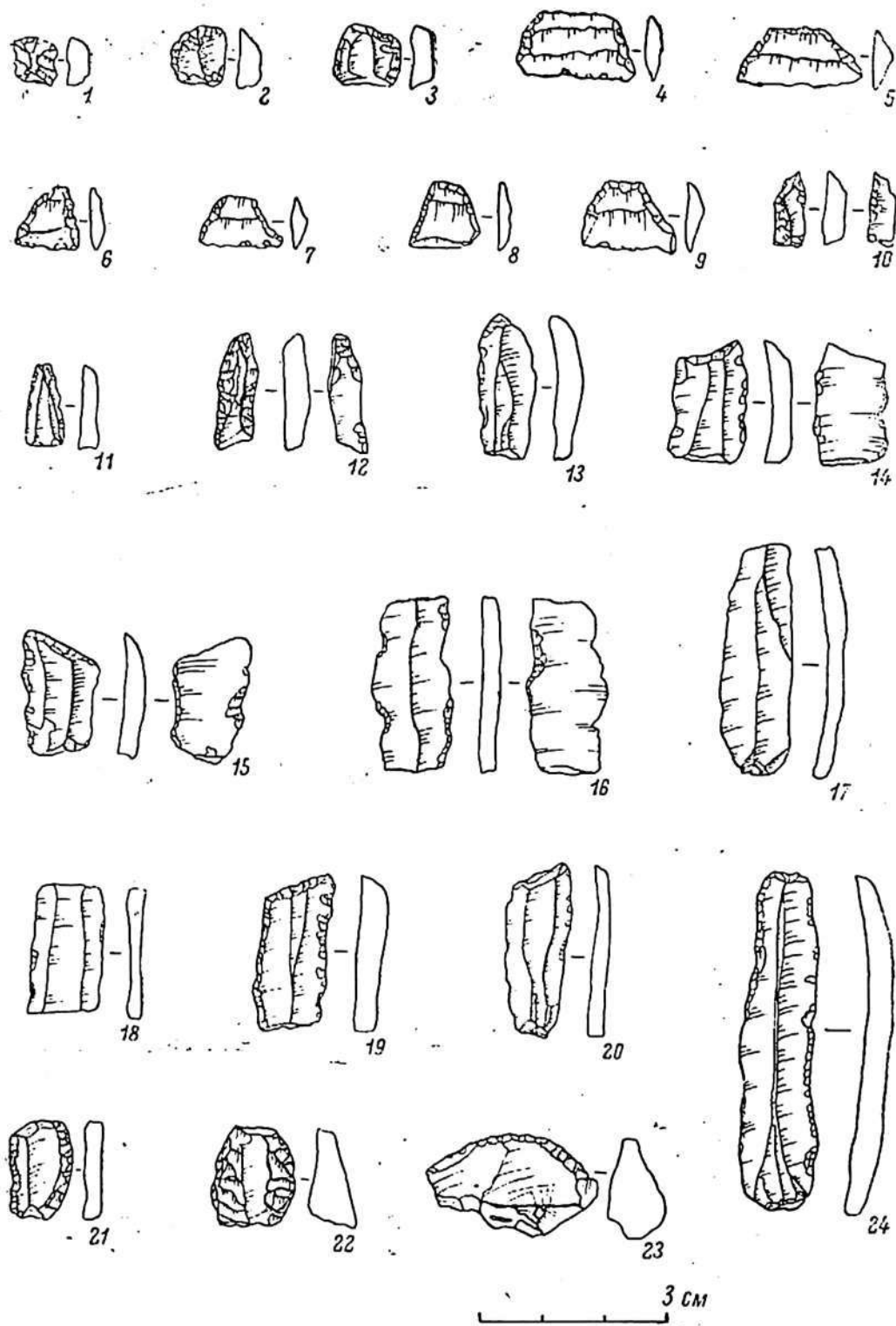

Рис. 10.

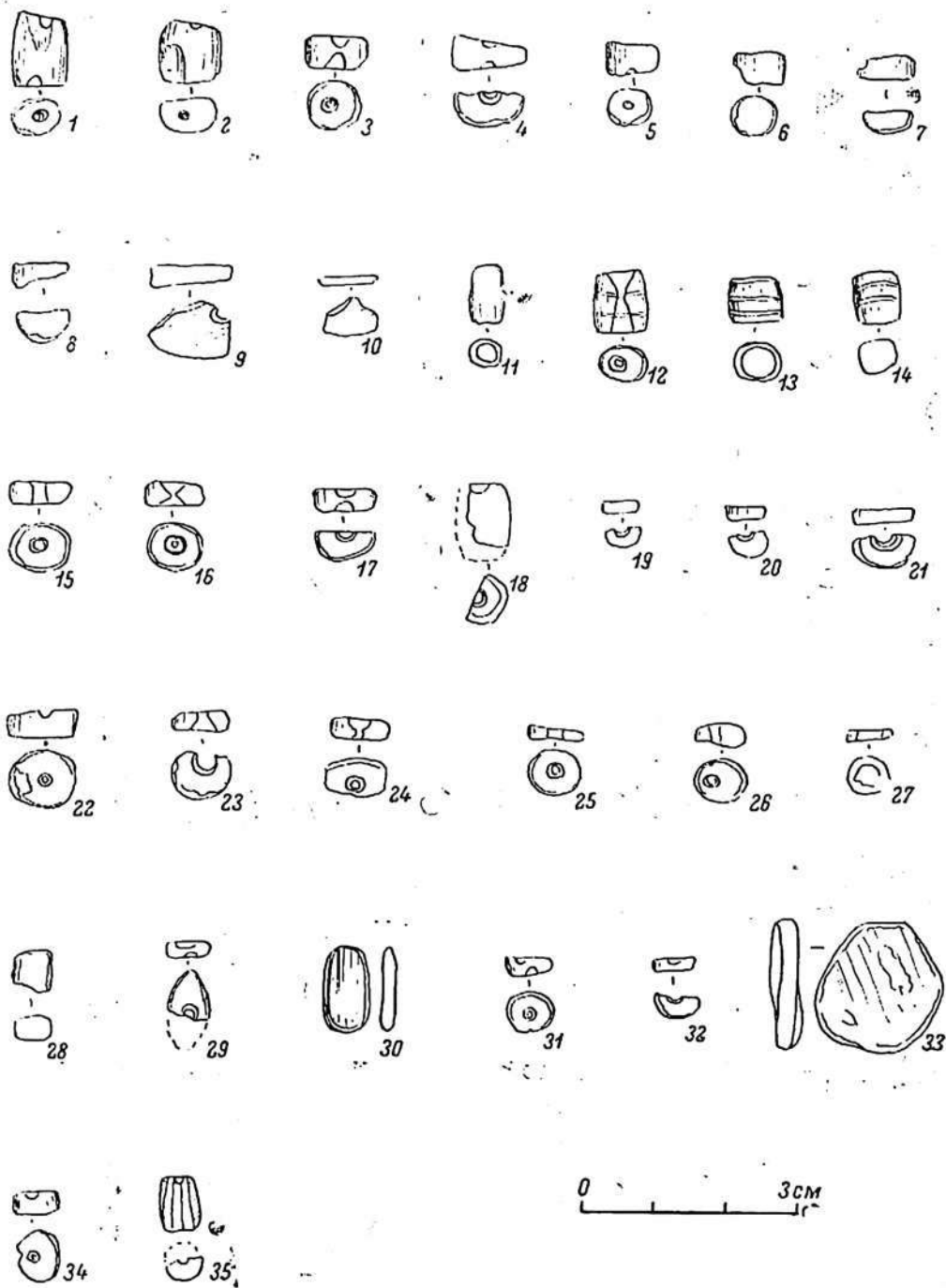

Рис. 11.

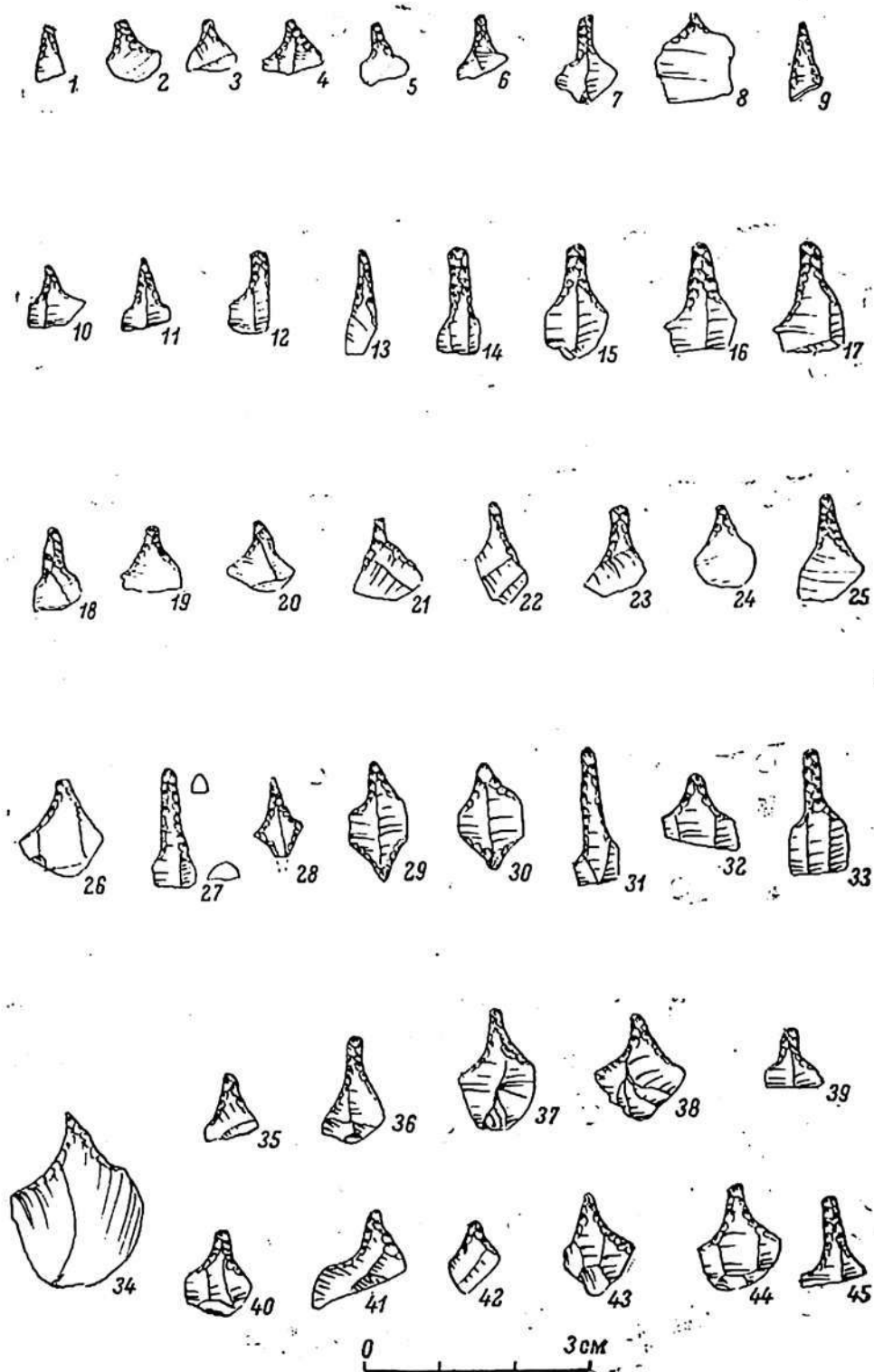

Рис. 12.

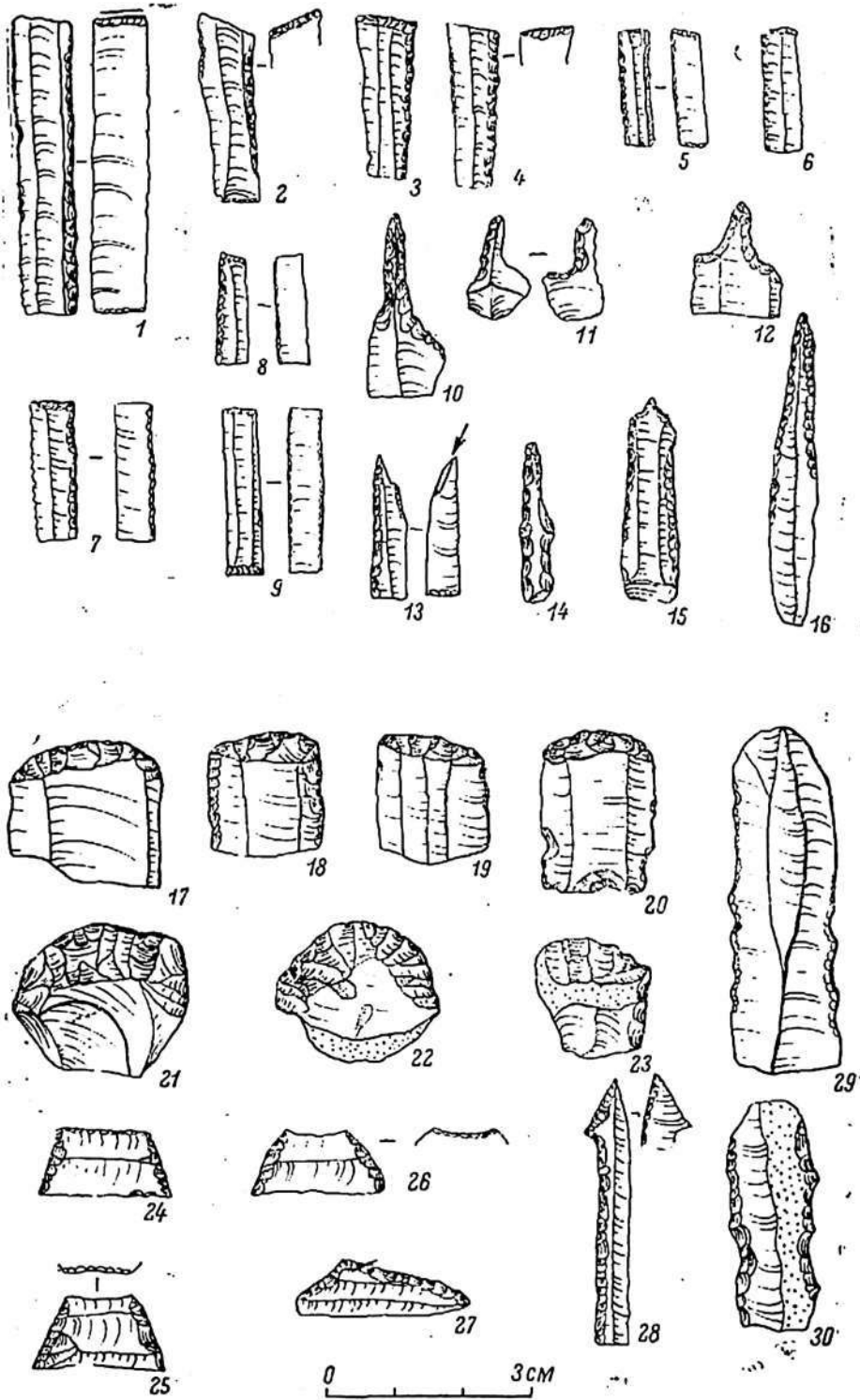

Рис. 13.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3

**I. Общие вопросы. Культуры и локальные варианты
в эпоху каменного века**

Х. Алпысбаев. О локальных различных палеолитических культур Средней Азии и Казахстана	5
В. А. Ранов. О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита	7
А. А. Формозов. Развитие локальных вариантов и спорные проблемы этнокультурной истории каменного века	12
Г. П. Григорьев. К методике установлений локальных различий в палеолите	14
В. П. Любни. О проявлениях локальных различий в нижнем палеолите (по материалам Кавказа)	19

**II. Изучение памятников каменного века
Средней Азии и Казахстана в 1971 г.**

Х. Алпысбаев. Разведка памятников каменного века Казахстана в 1971 г.	30
В. А. Ранов, В. А. Жуков, А. Х. Юсупов. Работы по каменному веку Таджикистана в 1971 г.	31
Н. Х. Ташкенбаев. О новых памятниках эпохи палеолита на территории Самаркандской области	35
М. Б. Юнусалиев. О работах палеолитического отряда в Киргизии в 1971 г.	36
С. А. Несмеянов. Геология Самаркандской верхнепалеолитической стоянки (результаты работ 1971 г.)	37
У. Исламов. Некоторые результаты полевых работ на стоянке Обшир V в 1971 г.	40
Г. Ф. Коробкова, В. Т. Воловик. Гадым-Депе — новый памятник джейтунской культуры	41
А. В. Виноградов. Кызылкумские ювелиры	43
Л. А. Чалая. Стоянка Бешбулак 15 (Внутренние Кызылкумы)	45

III. Информация и хроника

Совещание по вопросу реконструкции общественных отношений по данным погребений и могильников	48
Совещание по изучению обмена и торговли в древних обществах	48
Защита диссертаций по археологии Средней Азии и Казахстана	49
Научные заседания по археологии Средней Азии и Казахстана в 1971 г.	51
Археологические исследования в Северном Афганистане в 1971 г. (В. И. Сариниди)	53
Открытие кабинета археологии в Чимкенте	54
Создание кафедр археологии в Алма-Ате и Самарканде	54
Из археологических открытий 1972 г.	55

Книги по археологии Средней Азии и Казахстана, опубликованные в 1971 г.	56
Е. Н. Романова, А. А. Семенов, В. И. Тимофеев. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР	57
Список сокращений	63
Список иллюстраций	64

УСПЕХИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Технический редактор *В. В. Шиханова*
Корректор *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 18/VII-1972 г. Подписано к печати 21/XI-1972 г.
Формат бумаги 70X108¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 5=7 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 6.78 Изд. № 5394. Тип. зак. 5262/2216. М-10449.
Тираж 600. Цена 45 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164. Ленинград, Менделеевская лин., д. 1.

Ломоносовская типография Управления по печати Ленгорисполкома
г. Ломоносов, Лен. обл., пр. Юного Ленинца, д. 9

Цена 45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ